

КЭТРИН·ЭППЛГЕЙТ

ИСЧЕЗНУВШИЕ

ПРОДАНА В США ТИРАЖОМ СЫЩЕ 125 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ПЕРЕВЕДЕНА НА 15 ЯЗЫКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА

Кэтрин Эпплгейт
Исчезнувшие.
Последняя из рода
Серия «Исчезнувшие», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43262206
Исчезнувшие. Последняя из рода: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109581-9

Аннотация

Давным-давно даирны – те, кого часто путали с собаками, – стоями пересекали равнины Недарры, но теперь их осталось всего-навсего четыре семьи... Днём они тихо сидят в пещерах – прячутся от людей, самых непредсказуемых хищников.

Бикс появилась на свет после семерых братьев и сестер. Будучи младше и мельче всех, она всегда последняя ела, последняя пила. Теперь, когда люди все-таки выследили ее стаю и уничтожили, Бикс боится, что опять оказалась последней – последней из рода.

До конца в это не веря, она отправляется на поиски сородичей и по пути встречает новых друзей: смешного, но отважного Тоббла, неутомимого Валлино, мудрого Гэмблера. Но найдет ли Бикс свою новую семью? Или она уже ее нашла?

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	18
4	21
5	25
6	30
7	37
8	41
9	48
10	51
Часть вторая	54
11	54
12	61
13	65
14	72
15	80
16	87
17	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Кэтрин Эпплгейт Исчезнувшие Последняя из рода

Майклу

*В природе ничего не существует в одиночку.
Рейчел Карсон, «Безмолвная весна»¹, 1962 г.*

**Katherine Applegate
Endling #1: The Last**

* * *

Originally published by HarperCollins.

Published by arrangement with Pippin Properties, Inc.
through Rights People, London and The Van Lear Agency.

В макете использованы материалы по лицензии
shutterstock.com

Text copyright © 2018 by Katherine Applegate

© Л. А. Щукина, перевод на русский язык, 2019

---

¹ «Безмолвная весна» (Silent Spring) – книга Рейчел Карсон о последствиях загрязнения окружающей среды пестицидами. Впервые была издана в 1962 году в США. – Здесь и далее примечания редактора.

* * *

Часть первая

Начало конца

1

Последняя из рода

Я привыкла быть последней с первых дней жизни.

Я появилась на свет после семерых братьев и сестёр – и оказалась и младше, и мельче всех, а это означало, что я последняя ела, последняя пила и в укрытии оказывалась тоже последняя.

В нашей со временем сокращающейся стае у меня было меньше прав, чем у остальных, и я принимала своё положение безропотно. Ну, или почти безропотно. А что мне оставалось делать? Я состояла из одних недостатков; по крайней мере, мне всё время о них говорили: слишком юна, чтобы быть умной, слишком мала, чтобы помогать стае.

Мои большие и неуклюжие ноги заплетались, когда я бежала. Моя шёрстка была растрёпанной, а поведение – отвратительным. Однажды я подлезла к еде без очереди и слопала целую ногу муравьиной антилопы.

Не в меру любопытная, я везде и всюду совала свой нос. Одним словом, единственная задача любого даирна – сде-

лать всё возможное, чтобы просто выжить, — оказалась мне явно не по плечу.

Да, тогда проще было приручить единорога, чем увидеть нас среди бела дня.

Наш вожак, седой и дряхлый Дэлинтор, любил вспоминать те времена, когда наши предки огромными стаями, сотнями пересекали равнины Недарры. По ночам семьи собирались у костра и варили дикие плоды и ягоды, а порой — барсука или петуха.

Но это было очень давно. Теперь нас всех можно было легко пересчитать: осталось всего-навсего четыре семьи, и мы старались держаться вместе, сидеть тихо и не высовываться, прячась от людей, самых непредсказуемых хищников. Прячась от белого света.

Вокруг нас ходили легенды. Одни говорили, что где-то очень далеко, в горных пещерах или на далёких островах, были ещё такие же, как мы. Другие утверждали, будто всё это вымысел, нельзя слепо этому верить. Тем более даирнов часто путали с собаками — между нами и правда было внешнее сходство. Однако у собак иначе устроены конечности — у них не так развиты большие пальцы. Они не могут ходить на задних лапах. Не могут плавно перемещаться с дерева на дерево. Не могут разговаривать с людьми. И собаки — уж извините — не такие блестящие охотники.

Но сколько бы нас ни оставалось, Дэлинтор опасался, что из-за нашего тёплого и нежного меха нам всем в итоге суж-

дено исчезнуть, как карлизианским тюленям, которых истребили люди. Или как красным марлотам, вымершим от страшной эпидемии. Или же как синим хохлатым зигуинам, которые просто погибли на разорённой во время Давней войны земле.

Видимо, способов исчезнуть предостаточно.

Но мы отказывались верить в то, что наши дни сочтены. Одно мы знали точно: раньше нас было очень много, а теперь остались единицы.

Мои родители боялись, что, когда придёт беда – а мы уже чувствовали её приближение – я погибну первой. Ведь я была такой маленькой, иногда совсем беспомощной.

Но по моим жилам текла храбрость. Я вовсе не боялась умереть первой.

Я боялась оказаться единственной выжившей.

Боялась оказаться последней из рода.

Визит флайнов

Беда пришла очень скоро, как раз в тот день, когда к нам пожаловали флайны.

Утро уже плавно перетекало в день, когда я слышала их. Я на цыпочках прокралась мимо своих: все спали крепким сном, сбившись в кучу, и напоминали большого зверя.

Даирны по природе своей не ночные животные, но теперь нам приходилось прятаться до наступления полной темноты. Да, мы боялись огромных кошек, ночных охотников – феливетов. А ещё больше – браконьеров и солдат Мурдано, правителя Недарры.

Мне же, как всегда, не сиделось на месте. Ещё бы – я была уверена, что прямо за дверью слышала взмахи крыльев, нерезкие и одновременно очень мощные.

Моя сестра Лирья, зевнув, приоткрыла один глаз.

– Бикс, я так хочу есть, что смогла бы даже тебя проглотить, – пробормотала она спросонья.

– Было бы что глотать, кожа да кости, – ответил ей старший брат Авар.

Как обычно, когда они дразнили меня, я не обращала на это внимания.

Протиснуться в дверь нашего временного пристанища было непросто. Мы заняли покинутое жилище урсусов, похо-

жее на большое осиное гнездо, упавшее на землю. Оно состояло как будто из медовых сот с огромными дырами. И этот славный домик, улей, на ощупь как камень, ослепительно переливался на солнце золотисто-медовым цветом. Отец сказал, что оболочка его состоит из вулканического пепла, серы и песка, замешанных на древесном соке.

Когда-то даирны разбивали большие лагеря, переходя долины, или вили на деревьях гнёзда, путешествуя по лесам. Но всё это кануло в Лету.

Много чего осталось в прошлом. Так нам говорил Дэлинтор, наш учитель, хранитель историй из жизни даирнов. Однако иногда мы понимали: он что-то не договаривает. Вероятно, в жизни нашего рода были настолько страшные времена, о которых нам пока рано знать.

Гнёзда на деревьях очень легко заметить, да и от стрел они не спасают. Поэтому мы стали переходить с места на место, прячась в пещерах или глубоких оврагах, а иногда и в зарослях колючих кустов в дремучих лесах. Мы старались не оставлять никаких следов, даже намёка на гнёзда или лагеря. Мы спали где придётся – у подножий скал, на далёких пляжах или в заброшенных жилищах. Однажды нам даже пришлось провести ночь в охотничьем домике.

Тогда мы впервые подошли к человеку, который считался главным обитателем наших земель, настолько близко. Давным-давно было решено, что правят на Земле шесть классов: люди, даирны, феливеты, натайты, терраманты и раптидоны.

Но с тех пор много воды утекло, и теперь главным стал тиран Мурдано – он и контролировал всё живое, включая людей.

Я встречалась с представителями далеко не всех классов, а если быть совсем точной – то только с двумя. Однажды я учуяла феливетов – огромных изящных созданий из семейства кошачьих, способные бесшумно передвигаться в ночной тьме (услышать их удавалось лишь единицам). А ещё я видела раптидонов – хозяев неба, выписывающих круги в облаках.

Взглянуть на натайтов, пусть даже издалека, мне не пришлось.

И я ни разу (к счастью) не наткнулась на террамантов, которые передвигались огромными стаями.

Людей я тоже никогда не видела.

Но кое-что о них я всё же знала. Дэлинтор рассказывал нам, рисуя палочки на сухих листьях. Так мы узнали, что у людей два глаза, нос и рот, в котором много неострых зубов. Узнали, что они выше нас, даирнов, но незначительно. А ещё я много узнала об их привычках, одежде, городах и деревнях, культуре, оружии, языках и о том, как они измеряют время и расстояние.

А самое важное – что им никогда не доверяли и их всегда боялись.

Я выглянула из улья урсусов. Солнце поднялось ещё не очень высоко.

Звук приближался, и вот они показались прямо над ульем.

Флайны!

Кажется, их было четыре... три – точно, с широкими длинными хвостами и блестящими крыльями, которыми они рисовали в полёте изумительные радуги из нитей солнечного света, пробивающегося сквозь листву деревьев. Скорее всего, они, как любители мёда и большие умельцы что-нибудь умыкнуть, подумали, что в улье всё ещё хозяйничают урсу-сы.

Несмотря на сильный ветер, они удивительно легко и бесшумно парили в воздухе прямо над нашим домиком, словно огромные колибри.

– Бикс, – слышался тихий, но в то же время встревоженный и строгий голос. Я обернулась к маме, которая спешила ко мне. Вид у неё был измученный, золотистая шерстка испачкалась и от этого потемнела, хвост опущен.

– Флайны, Майя! – прошептала я.

Она проследила за моим взглядом.

– Какие красивые. Скорее всего, направляются на север. Они улетают как раз в это время.

– Мне бы тоже так хотелось.

– Да, нам сейчас приходится непросто. – Она погладила меня по спине. – Особенно моей малышке.

– Я не малышка.

Мама слегка подтолкнула меня носом.

– Согласна, уже не совсем малышка.

Я вздохнула, прижимаясь к ней. Она была тёплая и уют-

ная, как ласковое солнце.

– Мне скучно, Майя. Хочется веселиться. Бегать за своим хвостом. Узнавать что-то новое. Хочется отправиться на встречу приключениям и показать всем, какая я смелая.

– Пока не время показывать свою смелость, – сказала она мягко. – Не сейчас.

– Но старшие дразнят меня малявкой. И слабачкой, – зашныкала я. – Они говорят, что я задаю слишком много вопросов. – Мне вдруг понравилось себя жалеть. – Ненавижу себя.

– Бикс, – ответила мама, – никогда так не говори. Ты такая одна, и на всём белом свете другой тебя нет. И мне очень нравится, что ты задаёшь много вопросов. Ведь только так мы чему-то учимся. – Она помедлила. – Я тебе кое-что расскажу. Твои братья и сёстры об этом пока не знают.

Я наострила уши.

– Прошлой ночью был совет стаи. Сегодня на заходе солнца мы покидаем эти места и отправляемся на север, как флайны. Нас поведёт Миксо. Она говорит, что тут, на юге, поиски сородичей пора заканчивать.

Миксо была нашим следопытом и обладала самым острым нюхом и чутьём в стае. Она обошла немало мест в поисках даирнов. Несмотря на слухи, что даирнов здесь видели, никто из них нам так и не встретился. Нас уже осталось всего двадцать девять.

– Путь будет трудным и долгим, – заключила мама. – Мы

хотим найти Первое Поселение.

– Но ведь Дэлинтор говорил, что они вымерли, – вспомнила я историю про Первое Поселение – предков даирнов, мигрировавших в Недарру давным-давно. При том, что я люблю сказания больше всех остальных в нашей стае, я вынуждена признать – это ужасно скучное:

Воспевайте, поэты, отцов наших смелых,
Что отправились в путь непростой,
Чтобы в водах холодных, заледенелых
Даирнхольм отыскать – чудо-остров живой.

Я помнила только эту строфу. На уроках, когда мы учили сказания, Дэлинтор разрешал нам рисовать карты – иначе я засыпала бы. Большинство учеников именно так и делали.

– Майя? – не могла я уgomониться. – Ты и правда думаешь, что на севере есть поселение?

Мама задумчиво посмотрела вдаль, через луг, на чернеющий и шумящий на ветру лес, и ничего не ответила.

– Всё возможно, – немного погодя всё-таки произнесла она.

Даирны никогда не лгут. Какой в этом смысл, если мы сразу видим ложь – причём неважно, даирн врёт или кто-то другой.

Представители ни одного класса не обладают такой способностью, которую Дэлинтор называл «тяжкой ношей», хотя я не совсем понимала значение этого выражения.

Однако то, что мы никогда не лжём, совсем не значит, что мы не можем надеяться.

– Но ведь ты же так не думаешь? – настойчиво продолжала я, заранее зная ответ.

– Не думаю, крошка моя. – Она говорила почти шёпотом. – Но, возможно, я ошибаюсь.

– Я уверена, что ты ошибаешься. Уверена, мы найдём сотни даирнов. Нет, тысячи! – Я постаралась взять себя в руки. – Почему нам нельзя хотя бы надеяться на это?

– Надеяться можно всегда, Бикс, – ответила мама. – Пока жизнь это позволяет.

Она снова нежно прижала меня к себе.

– А сейчас живо спать. Нам предстоит идти всю ночь.

Над головой по-прежнему кружили флайны, то снижаясь, то взмывая ввысь.

– Разреши мне ещё чуть-чуть тут побыть, Майя, – умоляла я.

– Только чуть-чуть, – сказала она, – и смотри никуда не суй свой носик. – Она собралась было уходить, но на секунду остановилась. – Я очень тебя люблю, крошка моя. Всегда это помни.

– И я тебя очень люблю, Майя.

Флайны ещё долго кружили над нашим пристанищем. Возможно, их восхитила трогательная сцена между нами – двумя даирнами. А может, они просто наслаждались теплом, исходящим от прогретого солнцем улья.

Я уже хотела вернуться в улей, как что-то – странное и неуловимое – привлекло моё внимание.

Это был не звук и не запах.

Скорее, моя интуиция: я ощутила, что рядом кто-то есть.

Я вышла на луг – за ним чернел лес, а дальше простиралось море.

Я попыталась понять по запахам, которые нёс ветер, что это. Воздух наполнен историями.

Так что же это? Трифоксы? А может, бриндалеты? Ветер метался из стороны в сторону, поэтому определить запахи было трудно.

И меня манил лес: не говоря ни слова, он будто приказывал, и устоять я не могла.

Солнечный свет золотыми нитями прошивал листву. Никогда ещё я не была там днём, только глухой ночью.

– Нет, – сказала я сама себе. Нам строго-настрого наказано не уходить одним, особенно днём, да ещё и не сообщив никому.

И я слушалась, не уходила – ну разве что иногда.

А бывало, набравшись храбрости, удирала к ручью с его волшебными зелёными пузырьками. Или пыталась подружиться с зебровой белкой и её бельчатами. А вчера я навестила куст звёздочковых цветов, которые пахнут полынью и морем. Там я славно побегала за своим хвостом!

Но все мои вылазки всегда заканчивались хорошо. Я никогда не уходила слишком далеко. Ведь как ещё можно по-

знать мир, если не посмотреть на него?

Я понимала, что сейчас не должна идти. И всё же, перед тем как отправиться в дальний путь и снова поселиться вдали от дневного света, разве не здорово было бы взглянуть на море, только одним глазком, не ночью, а днём? Ведь я видела его только под звёздным небом.

Мама вернулась в гнездо. Я вдохнула морской бриз: опасности нет.

Ведь это всего несколько минут: просто вскочить на все четыре лапы и рвануть через луг. Потом стремглав сквозь лес, пугающий, но манящий своей чернотой.

3

Лодка

Из леса я выскочила на извилистую тропинку.

Деревья заканчивались ещё до скал, будто побаивались их высоты.

Трава была сухая, тёплая и почти ломкая. Она не походила на себя ночную – прохладную и влажную от росы.

Я набрела на развалины древнего строения. Скорее всего, это дозорная башня. Дэлинтор немного рассказывал нам о постройках людей. Он говорил, что некоторые – потрясающие. А на некоторые без слёз не взглянешь.

Я забралась на груды огромных острых камней, которые, скорее всего, служили когда-то лестницей. Наверху я встала у заросшего плющом отверстия в стене – по-видимому, это была бойница.

Вот оно – море.

Как же оно отличалось от того, что я себе представляла: не спокойное, покрытое мелкой рябью озеро; не суетливый, музыкальный ручей. Оно простиралось очень далеко, величественное и бескрайнее, как небо. Волны ровным строем маршировали к берегу, с силой обрушивались на него и рассыпались брызгами белой пены. Чёрные скалы с серебристыми прожилками, которые, как я слышала, называли «Акульими зубами», будто начищенные мечи воинов, обрамляли бере-

говую линию.

Прилив рвался и оглушительно грохотал. Я словно утопала в запахах, сильных и таинственных.

Ветер усиливался. Я прижала уши к голове, глаза щипало. Я посмотрела на небо – стена тёмно-серых облаков стремительно росла. Надвигалась буря.

Справа от меня скала изгибалась огромной аркой – лишь заострённые камни во власти неугомонных волн. Слева нога этой арки заканчивалась выступом, на краю которого стояло корявое дерево без единого листочка.

Только теперь я заметила лодку и в ней – одинокого пассажира.

Крошечная, почти игрушечная, она безвольно прыгала по серо-зелёным волнам. Её несло прямо на скалы. Если она ударится о них – вернее, когда ударится, – тут же разобьётся в щепки.

Я прищурилась, желая убедиться, что в лодке кто-то есть. Хоть от природы у меня хорошее обоняние, я, к сожалению, никак не могла понять по запаху, какое это существо. Я пыталась отделить запахи один от другого... но нет, кроме всевозможных морских ароматов, не чувствовала ничего.

Тем не менее в лодке однозначно кто-то был. Кто-то очень маленький, коричневого цвета, отчаянно пытающийся грести.

Неужели это?.. Меня вдруг осенило – существо похоже на воббика!

– Но как воббик вообще оказался в лодке? – спросила я вслух, хотя рядом никого не было.

Грохот прибоя оглушал, однако я точно слышала очень слабый, отчаянный крик о помощи. Дело принимало серьёзный оборот. Мне было очевидно: воббик там или ещё кто – судьба его предreshена.

Мольба о помощи

Море подкидывало лодку под самые небеса.

Крохотное судёнышко с едва заметным в нём существом несло прямо на скалу.

Я затаила дыхание. Я не могла смотреть на это и не хотела знать, что будет дальше. В воздухе пахло смертью.

И вдруг море, только что беспощадно швырявшее лодку навстречу гибели, сжалилось над ней и понесло в направлении от скалы.

Но это продолжалось недолго. Всего лишь небольшая передышка.

Ещё одна-две, от силы три волны, и воббик – теперь я уже была уверена, что это воббик, – непременно погибнет.

Однажды, когда я была ещё совсем маленькой, мама приготовила на обед воббика. К тому времени мы уже очень долго питались одной травой и корешками, поэтому мясо стало настоящим лакомством. Не будь мы так голодны, вряд ли это блюдо показалось бы нам настолько вкусным, но даже теперь, когда я вспоминаю о нём, у меня текут слюни.

И всё же, хотя воббик и сейчас мог бы стать прекрасным дополнением к нашему скудному рациону, у меня и мысли не возникло его съесть. Я не желала ему смерти. (Если честно, я всегда была добреньким и слабохарактерным охотником и

никого не убила за всю свою жизнь, ну разве что несколько жуков.) Вместо мыслей об охоте, я уже полным ходом продумывала план спасения, прикидывала траекторию своего движения и примерный вес маленького зверька.

И в тот самый момент воббик отчаянно посмотрел на меня, открыв рот и пытаясь что-то сказать.

Его уста сложились в слабое «Помогите!», а может, мне это только показалось. Как бы то ни было, страх в глазах бедняги и то, как отчаянно он размахивал лапками, говорили о том, что ему сейчас очень нужна помощь.

– Не могу, – крикнула я, но слова мои, как сорванные ветром листья, полетели мне же в лицо.

Я могла бы воспользоваться свойством своей шубки растягиваться при планировании в воздухе. Возможно, при невероятно удачном стечении обстоятельств мне бы удалось подхватить бедолагу.

Но существовала другая проблема – я не могла унести его на себе. Далеко уж точно. Может быть, на несколько метров. Только чтобы...

Океан отступил, обнажив узкую полосу песка в ущелье между скалами.

Но нет, рассчитать время было невозможно.

Воббик смотрел на меня, произнося неслышные слова. Моля о спасении.

У отца была любимая фраза: «Если поспешишь – не обязательно успеешь». Он часто мне её говорил, имея в виду,

что сначала надо всегда хорошо подумать.

Вот я и думала.

С одной стороны, я могу погибнуть.

С другой – будет что рассказать у костра. Вот уж удивятся мои братья и сёстры!

С третьей стороны... И тут я себя остановила.

Я хоть и была поглощена планом спасения, но на долю секунды уловила приторный запах, каким обладают домашние собаки, а вслед за ним и лошадиную вонь.

В нос ударил ещё один запах, совершенно незнакомый.

Незнакомый, но известный.

Ведь только существа одного класса передвигались с лошадьми и собаками.

От топота копыт подушечки моих лап завибрировали. Я обернулась и посмотрела на деревья – напуганные птицы вспорхнули в небо.

Как я могла упустить такие важные знаки? Мрачный лес, неистовый ветер, безумие тонувшего воббика?

И тут я услышала сигнал, пронзительный крик, который мы использовали как предупреждение об опасности. Странно, это не даирн. Другая тональность. Было похоже, что звук издавал человек.

Вдруг густые заросли разошлись, словно хорошо приготовленная ловушка. За спиной у меня появились лошади, на которых могли сидеть только люди. Я рассматривало всадников во все глаза – их руки и ноги были толще, чем я дума-

ла, а голоса наводили ужас.

Кто это? Солдаты Мурдано?

Я сразу вспомнила слова, которые нам повторял Дэлинтор: «Завидев серебристо-красное – беги, даирн. Иначе не миновать тебе гибели!»

На них была тканая шерстяная одежда, коричневого и серого цветов. Оружие у всех разное. Две лошади везли вместо людей обмотанные верёвками мешки со шкурами.

Браконьеры.

Один человек закричал – тем же голосом, каким был подан сигнал:

– Нет! Нет! Не убивать!

Вожак браконьеров. Он держал в левой руке внушительных размеров лук, а в правой – поводья огромной лошади с чёрной шерстью с белыми пятнами. Оба, и мужчина, и животное недобро уставились на меня.

Правой рукой охотник вынул стрелу из колчана. Затем в мгновение ока надел стрелу на тетиву.

– Нет! – закричала я.

Моё сердце бешено колотилось.

Я с ужасом смотрела, как мышцы стрелка напряглись, и он натянул тетиву.

Всё его внимание было на мне. Потом я увидела сверкающий наконечник. Пальцы, отпускающие стрелу. Дрогнувшую тетиву.

И я прыгнула.

5

Спасение на море

Летать в прямом смысле этого слова даирны не умеют.

Зато умеют планировать в воздухе. Мы можем немного обуздать гравитацию и не камнем лететь вниз, а медленно и плавно опускаться, раскачиваясь в воздухе из стороны в сторону.

Я развела передние лапы, приготовив свои меховые скользяны. Зацепившись за крошащийся камень острыми, в четыре дюйма длиной когтями, я изо всех сил оттолкнулась от него задними лапами и прыгнула в пушистые облака.

Градом посыпались стрелы.

Я уловила поток ветра.

Пока набегаящими порывами он подхватывал и поднимал меня выше, я задела хвостом острую, как нож, верхушку скалы «Акулий зуб».

Лошади на краю скалы встали на дыбы, зафыркали и попятнулись. Сидящие верхом люди следили за мной свирепыми взглядами.

Они прикидывали, как меня поймать.

И тут мимо меня пролетела стрела – невероятно быстро, быстрее, чем прыжок раптитонта. Настолько близко, что я могла разглядеть цвет перьев, рисунок на трубке и наконечник-трезубец, а также тонкую нить, за которую обычно та-

щат жертву. Стрела браконьера.

Раскрыв скользуны и стремительно набирая скорость, я рисковала упасть раньше времени.

Внизу, в лодке, достаточно далеко от меня, с огромными от страха глазами стоял воббик. Он пытался что-то сказать и отчаянно размахивал лапами.

Лодку поднимало на огромную волну. Чтобы подлететь к ней, я накренилась влево. Но не успела я и глазом моргнуть, как несчастное судно налетело на скалу и в мгновение разлетелось в щепки.

Воббик закричал. На этот раз его было слышно очень хорошо.

Он прыгнул вперёд. Получилось не так уж далеко, ведь воббики коротколапые от природы, однако этого хватило. По крайней мере, я на это надеялась.

Теперь я пыталась скользить в воздухе как можно быстрее. Между нами пролетела стрела. Я смогла нырнуть под неё, и тут воббик начал падать.

Набрав в скользуны ещё больше воздуха, я, словно молния, рванула вперёд.

Воббик отчаянно тянул ко мне лапы.

– Сюда! – кричал он.

И тут я схватила его за одну.

Эффект от его веса был такой, будто я ударилась о стену. Даирны не могут планировать с тяжёлой ношей. Я сделала сальто в воздухе. Меня занесло, и я стала падать.

Нас по инерции несло вперёд, и, пока море отступало, я заметила место, где открывался небольшой отрезок песчаного берега.

Мы пробороzдили бурлящую волну, хватавшую нас за ноги, будто желающую утянуть на дно.

Мне каким-то чудом удалось зацепиться лапой за мокрый песок. А следом и второй, и, к своему огромному удивлению, я осознала, что всё ещё крепко сжимаю лапу воббика, а он так же крепко сжимает мою.

Я споткнулась, и мы упали в очередную набежавшую волну. Я наглоталась солёной воды и закашлялась.

Неужели мне суждено умереть вот так?

И как сильно будут убиваться мои родители?

Волны стали набегать одна за другой, набирая силу и угрожая размазать нас о скалу.

С неба упали первые тяжёлые капли дождя.

– Наверх! – не без труда крикнула я. – Лезем наверх!

Перед нами оказался камень, который вот-вот должна была скрыть вода, но желание жить овладело нами настолько сильно, что мы вцепились в него мёртвой хваткой и стали карабкаться, отвоёвывая каждый сантиметр, соскальзывая, стирая локти и колени.

Я посадила воббика на плечи, а потом закинула его наверх.

И тут меня накрыло волной. У меня совершенно не было сил бороться с ней. Она подхватила меня и понесла. Я пыта-

лась грести, но всё тщетно: я потеряла всякий ориентир.

Мне пришёл конец.

Вот так мне и суждено погибнуть.

Пена накрыла меня с головой. Вода залилась в рот, я стала захлёбываться.

Но тут кое-что произошло.

Кто-то сзади вцепился мне в мех на шее.

Лапка была очень маленькая и держала меня некрепко, но этого хватило, чтобы я смогла ещё какое-то время продержаться и не пойти ко дну.

Через секунду в меня вцепилась вторая лапа. В панике я бешено забила руками и ногами, забыв про все свои раны, и вынырнула.

Воздух. Наконец. Воздух.

Я карабкалась по скале. Впереди меня карабкался воббик.

– Берегись! – закричал он, и в эту же секунду прямо рядом со мной о скалу ударилась стрела, задев мех около уха.

Всего за несколько секунд, что было поразительно, мы вскарабкались на верхушку скалы – и вот уже летели вниз с её обратной стороны, куда стрелы попасть уже никак не могли.

Браконьеры, если не решат рвануть за нами через всю долину и глубокое ущелье, теперь вряд ли нас поймают.

Яркая вспышка молнии осветила небо. Чёрные тучи рванули, и на нас хлынул ледяной дождь.

Я посмотрела на воббика, а он – на меня.

Оба мы пытались отдышаться.

6

Ты и правда?..

– Здравствуйте, – сказал воббик. – Было так любезно с вашей стороны спасти меня.

Воббики – в высшей степени вежливые зверьки, чего нельзя было сказать в тот момент обо мне. Я промокла до нитки, дрожала от холода и к тому же совсем не чувствовала себя в безопасности, поэтому в ответ я только кивнула и попыталась сосредоточиться.

Скала. Браконьеры. Стрелы.

В моей перенапряжённой голове всё прокручивался и прокручивался безумный прыжок. Похоже, эта сцена будет мне теперь сниться в кошмарах, от каких просыпаешься в холодном поту.

Хлестал проливной дождь, а молния пронизывала облака. Раскаты грома заглушали грохот моря. Я смахнула с ресниц капли дождя, чтобы рассмотреть воббика: очень маленький, раза в три меньше меня, и очень забавный, особенно сейчас, насквозь промокший. Его серебристо-голубой мех был в грязи, ровно как и три его хвоста. Большие белые овальные уши походили на огромные крылья.

Он был весь какой-то круглый – круглая голова, круглый выпирающий живот, круглые глаза – большие и блестящие, будто озёра. А лапы – такие же белые, как уши и морда, –

походили на круглые водяные лилии. Мордочка напоминала лисью: чёрный нос, длинные усы и маленький приоткрытый ротик, как будто выражающий изумление. Под пухлым животиком он носил кожаный ремень, на котором висела сумочка-мешок.

– Надо спрятаться, – сказал воббик. – Вдруг нас будут преследовать.

Страх сковал моё тело, поэтому я глубоко вдохнула и попыталась распрямиться. Воббик прав: останавливаться нельзя.

Мы осторожно спустились по скале к длинной линии берега.

– Пойдём по кромке воды, – предложила я. – Так мы не оставим следов.

Что-что, а замечать следы даирны умеют.

– Простите, можно ли мне поинтересоваться, есть ли у вас план действий?

– План один – увернуться от стрел!

Воббик сник и замолчал, а я почувствовала себя виноватой, поэтому добавила:

– Дальше пойдём по мокрому песку – так не наследим. Заберёмся наверх по обрушенной скале и дальше двинемся лес. Мне надо вернуться к своим.

– Непохоже, чтобы нас кто-то преследовал.

– Запаха их тоже не чувствуется, – ответила я, глубоко вдохнув. – Но и звуки, и запахи может заглушать дождь, по-

этому нам надо уносить отсюда ноги как можно скорее.

– Меня зовут Тоббл, – сообщил воббик. – Я тебе безмерно благодарен. И не хочу быть обузой.

– Слишком поздно, – ответила я.

Но ведь это не воббик привёл браконьеров.

С другой стороны, в той лодке был именно он.

– Как, во имя предков, ты оказался в лодке? – выразила я недоумение.

– Меня захватили в плен пираты.

Я удивлённо моргнула.

– Ты сказал...

– Пираты, – уверенно повторил воббик.

– А как воббик вообще мог попасть к пиратам?

– Как обычно.

– Как обычно? – переспросила я. – И как же обычно воббики попадают в плен к пиратам?

– Когда тыловишь прилипалу и твоя лодка наполняется доверху, пираты, бывает, хотят присвоить улов, – сказал он, а потом пожал плечами. – Ведь даже пираты любят жареную прилипалу. И ещё как! Брату удалось выпрыгнуть из лодки, а меня схватили и замотали в сети.

Он выглядел опечаленным, но, увидев, что я нахмурилась, быстро добавил:

– Я младший. Братья часто присматривали за мной.

Этим мы были похожи.

Тоббл с любопытством взглянул на меня, наклонив голову

низко, почти до плеча.

– Будет ли это очень невежливо с моей стороны, если я поинтересуюсь, к какому классу ты относишься? Внешне похож вроде на собаку, но ходишь на задних лапах и умеешь говорить...

– На собаку? – повторила я. – Ты шутишь?

– А на кого?

– Для начала – на кого-то голодного, а ещё замёрзшего и промокшего до нитки.

– Я тоже голодный. И я воббик.

– А я – даирн. Кто же ещё! – с гордостью заявила я.

Тоббл издал писклявый звук – так он смеялся. Надо же: воббики ещё и смеяться умеют...

– Ага, тогда я четырёхголовый лесной эльф. – Он прищурился. – Семейство волчьих? Похоже. Но у тебя золотистый мех, значительно мягче волчьего. Хм-м. Ты умеешь перелетать с места на место, как белка-летяга. И на твоём животе сумка, как у сумчатых. На передних лапах большие пальцы, какие обычно у собак на задних. А ещё ты прямоходящая особь женского пола...

– Спасибо за наблюдение.

– ...и ведёшь себя почти как человек.

Пока мы шли, Тоббл обходил меня то с одной, то с другой стороны.

– Однако я только что видел, как люди тебя чуть не убили. – Он опять оббежал меня и посмотрел, наклонив голову набок. – Нет, это понятно, люди славятся тем, что убивают друг друга.

– Я – даирн, – твёрдо повторила я. – А ты – воббик. И кстати, даирны едят воббиков – это тебе на заметку.

Тоббл фыркнул.

– Даирнов больше нет. – Он сказал это будто прописную истину, вроде того, что вода – это жидкость.

– Да, но только вот она я, стою перед тобой, промокшая, продрогшая и жутко голодная. Сейчас нас и правда осталось не так много, как раньше, но поверь, я знаю, из какого я рода.

Мы залезли по скале, что была со стороны моря, и наконец добрались до леса. Дождь не переставал, но теперь нас укрывали раскидистые ветви деревьев.

– Я только одного не понимаю, – не успокаивался Тоббл. – Ведь даирнов... больше не существует. – Он произнёс это очень тихо, будто рассказывал страшную сказку. – Так мне мой папа говорил. И бабушка так говорила. И прабабушка. Вы же, прости за это слово, оно такое резкое, – вымерли.

Я остановилась и вытянулась во весь рост. Сейчас я нависала над воббиком.

– Теперь мне точно придётся тебя съесть.

– Ты меня спасла. Ты не сможешь после этого взять и съесть меня!

– Я ведь не существую, а значит, запросто могу.

Хоть я и говорила шёпотом, всё равно получилось достаточно громко, и я напонила себе, что нужно быть тише.

– Так не пойдёт. Это невежливо.

Тоббл отвернулся, поднял один из хвостов и начал его вылизывать.

– Итак, кто были те люди, что пытались убить тебя?

– Браконьеры, – ответила я. – Ты меняешь тему разговора.

– Ну вот, что я и говорил, – улыбался Тоббл. – Ведь браконьеров воббики мало интересуют.

– Может, потому что на вкус ты как черепаха.

– Теперь тебе спасибо за наблюдение.

– Они убивают нас ради меха, – ответила я.

– А можно потрогать? – спросил Тоббл, показывая на мою переднюю лапу. Я пожала плечами, а он тихонько похлопал меня по ней. – Он даже мокрый – невероятно мягкий, – изумился воббик.

Я снова пожала плечами.

– Папа говорит, что сегодня на нас только ленивый не охотится.

Вдруг треснула ветка, Тоббл схватил меня за руку, и мы замерли.

Я принюхалась, а воббик повернулся левым ухом в сторону, откуда раздался треск.

– Там! – показал он. – Они нас обнаружили!

И снова браконьеры

Я жестом показала воббику пригнуться, хотя это было совсем не обязательно – даже стоя на цыпочках, воббик ниже любого даирна, стоящего на четырёх лапах.

Перебегая от дерева к дереву – я первая, Тоббл за мной, – мы старались делать это как можно тише.

Запахи людей, собак и лошадей усиливались. Я наострила уши, но ничего, кроме глухих ударов собственного сердца, не услышала.

Чего я по-настоящему боялась, так это собак, ведь они обладают практически таким же отменным нюхом, что и даирны. Но мне на помощь пришёл морской бриз – он дул в нашу сторону, и благодаря ему я учуяла врагов, а они нас – нет. Одного человека я чуяла особенно остро: он был где-то рядом. Остальные, в том числе лошади – дальше.

Медленно и осторожно, чтобы ни человек, ни животные меня не заметили, я раздвинула ветки ежевичного куста.

Вот он – сосредоточенный, стоит на небольшой поляне рядом с упавшим деревом. Высокий, худой, одетый в простую крестьянскую одежду: выцветшая коричневая рубаша под кожаной жилеткой, сверху – туника с капюшоном из грубого серого сукна, подпоясанная ремнём, шерстяные штаны и высокие сапоги из бычьей кожи.

Я знала совсем немного о человеческих эмоциях, однако была уверена, что этот человек раздражён. Даже хуже – он злился.

– Ну что, проводник, нашёл его? – крикнул ему кто-то из глубины леса.

– Нет, хозяин, – ответил мальчишка. – Скорее всего, утонул.

Я слышала, как где-то в стороне нетерпеливо бьют копытом лошади, а недалеко от нас, с трудом пробираясь сквозь чащу, идут два человека – двое бородатых мужчин.

Они подошли к проводнику. Один – низенький и коренастый. Второй, наоборот, – высокий и худой; как я поняла, он и был вожаком. Поверх кожаных жилетов у каждого крепилось оружие – меч, лук и пара ножей.

– Как считаешь, кто это мог быть? – спросил вожак.

– Скорее всего, волк или собака, а может, ещё кто, – ответил второй.

– Они не могут летать, а этот полетел вниз, прыгнув со скалы. Думаю, даирн, не иначе.

– Никогда не встречал даирна. И не знаю никого, кто бы встречал. – Важно скрестив руки, вожак прислонился к стволу дерева. – Парень, а ты что скажешь?

– Понятия не имею, – ответил проводник. – Скорее всего, мы этого уже никогда не узнаем.

– Говорят, мех даирна теплее и мягче любого другого на земле. Даже одной шкуры хватило бы на год, а то и дольше, –

ответил толстяк.

– Верно, – согласился проводник. – Но осмелюсь сказать, что живой даирн стоит куда больше, ведь даирны – такая редкость.

– Проклятые создания, – выругался толстяк. – Мой дед видел их пару раз, когда был ещё мальчишкой. Он говорил, что их нюх – настоящее колдовство: могут чуют человека за двести метров.

Вожак усмехнулся.

– Будем надеяться, что найдём хотя бы одного, а уж там и остальные попадутся.

– Если всё-таки отыщем, прошу, не убивайте его. – Мальчишка сделал паузу, а вожак метнул на него суровый взгляд. – Я всего лишь хочу сказать, что за живого мы получим намного больше.

– Он и мёртвый будет стоять немало, а хлопот вдвое меньше, – буркнул вожак. – Во время охоты ты то и дело кричишь: «Не убивайте его!» Кажется, в таком случае придётся нам продать твою шкуру.

Мальчишка опустил глаза:

– Простите, хозяин.

– Если ты такой умный, то покажи, где он прячется, – приказал вожак.

Проводник обернулся и замер, глядя на деревья.

Он смотрел в нашу сторону. Хотя заросли и были очень густые, я чувствовала: он нас видит.

Все замолчали.

Проводник закрыл глаза.

– Он пытается выйти на след, – сказал один из браконьеров.

– Тогда заткнись и не мешай ему.

Проводник открыл глаза. Даже отсюда я смогла рассмотреть его тёмно-карие глаза, тяжёлые веки и очень задумчивый взгляд.

– Скачите на север, – крикнул он остальным. – Я возьму свою лошадь и догоню вас.

Браконьеры как по команде умчались прочь. Мальчишка ещё немного постоял в полной тишине, как будто соображая, что делать дальше. Затем скрылся и он.

Прежде чем уйти, он ещё раз посмотрел в нашу сторону, и мне на секунду показалось: он улыбается.

Три хвоста, три спасённых жизни

Как только опасность миновала, в животе у меня прямо-таки завывало, будто бы всё это время желудок выжидал подходящий момент, чтобы пожаловаться.

Тоббл вздрогнул.

– Что это было?

– Мой живот. Я очень голодна.

– А мой живот урчит, когда я голодный.

– А наши поскуливают. – Я была начеку, всё время принюхивалась и пыталась определить по запаху, как далеко ушли браконьеры. – Тот проводник, – сказала я, – уверена, что он нас заметил.

– Тогда почему не выдал?

– Не знаю, – покачала я головой. – Сама не понимаю.

И тут я почувствовала, как на меня навалилась усталость.

Спуск со скалы, совершенно немыслимый полёт, солёная вода, проливной дождь, холод и жуткий страх... Сейчас я хотела только одного – оказаться дома, в укрытии, среди сладко спящих, уткнувшихся друг в друга братьев и сестёр. Моё любопытство было более чем удовлетворено – и это за один-то день.

Я смотрела на Тоббла и не понимала, что с ним делать. Даже я, обладая не особо глубокими знаниями по части охо-

ты, понимала, что обычно с жертвой не ведут задушевных разговоров.

Воббик, казалось, прочитал мои мысли.

– А известно ли тебе, что ты не можешь меня съесть, пока я не отплачу тебе добром и тоже не спасу твою жизнь?

Я невольно улыбнулась.

– Ты собираешься спасти мне жизнь?

– Я хоть и мал ростом, но велик душой! – Тоббл стряхнул грязь с одного из хвостов. – К тому же так мне велит Кодекс Чести Воббика. Ты спасла мне жизнь, теперь я должен спасти твою трижды.

– Почему трижды?

– Такое правило.

– А почему правило именно такое?

– Потому что у меня три хвоста.

Я нахмурилась.

– Не думаю, что меня надо спасать.

– Правило не я придумал, но следовать ему должен.

Вдали громыхнуло. Кажется, раскат грома, но мы вздрогнули, сначала подумав, что это стучат копыта.

– Совершенно ни к чему так сильно благодарить, – сказала я, а потом тихо добавила: не сегодня-завтра запросто могу его слопать.

– Итак, куда держим путь? – как будто не услышав мои слова, спросил Тоббл.

– Ты не можешь идти со мной. Моя семья уже какую неде-

лю подряд питается червями и корой. Они съедят тебя в два счёта.

– Готов на любой риск.

– Ты не можешь идти, – жёстко ответила я, удивляясь, что говорю, как мои родители.

– И всё же я пойду.

Тогда я попыталась всё ему объяснить:

– Из-за тебя мне придётся идти медленно. К тому же от тебя много шума.

– Если так, позволь мне сесть к тебе на спину. В сумку же я к тебе не влезу.

Тоббл гордо выставил нижнюю челюсть, а потом сказал:

– Три раза. Кодекс Чести Воббика. У тебя не выйдет избавиться от меня при всём желании.

– Вот съем тебя – тогда и посмотрим, – проворчала я, стараясь выглядеть грозной.

Только я хотела продолжить говорить, как воббик ловко запрыгнул мне на спину.

– Надеюсь, ты не против, – как ни в чём не бывало сказал он.

– Не против того, что у меня на спине живая еда? – съязвила я. – А таких прыжков мне на спину без спроса, конечно же, не приветствую.

– Кажется, я совсем забыл спросить твоё имя, – продолжил Тоббл, снова игнорируя мои слова.

Я громко и недовольно вздохнула.

– Моё имя Бикс.

– Бикс, – повторил Тоббл. – Благородное имя для благородного даирна. – А потом он наклонился к моему уху и прошептал: – Если это на самом деле так.

Обернувшись, я состроила гримасу.

– Шутка, – широко улыбаясь, сказал он. – Не обращай на меня внимания.

– Попробуй тут не обращать внимания.

Теперь мне предстоял долгий путь домой. Нужно было убедиться, что я ненароком не приведу браконьеров к нашему жилищу.

Небо затянули тучи, близился закат. Мы пошли на восток, потом на север, а затем, уже никуда не сворачивая, направились в сторону пусть и временного, но всё же дома, где меня ждала семья.

Мысль о том, куда я дену Тоббла, когда доберусь до своих, была куда тяжелее самого воббика, почти невесомого. На какое-то время он, конечно, отвлечёт родителей от неприятных расспросов о том, как я посмела уйти от дома так далеко... В любом случае, даже будучи очень голодными, даирны сохраняют здравый смысл. Если я скажу всем, что Тоббл – мой друг, вряд ли кто-то посмотрит на него как на еду, однако у них возникнет другой вопрос: с какой стати я решила подружиться с тем, на кого мы обычно охотимся.

Я решила ещё раз попытаться уговорить его идти своей дорогой.

– Понимаешь, тебе со мной не по пути.

– Я понимаю, почему ты беспокоишься. – Воббик пригнулся, пока я пробиралась сквозь колючие кусты. – Но я могу за себя постоять.

– И как же?

В глубине души я надеялась, что у него и правда есть неведомая мне сила.

– Покажу свою ярость, – уверенно ответил Тоббл. – Но, конечно, лучше меня не злить – зрелище это не для слабонервных.

– Учту, – ответила я, едва сдерживая улыбку.

– Итак, куда мы направляемся? К тебе домой?

– Да. То есть нет. У нас нет дома, – сдалась я. – Мы всё время кочуем. Никогда не останавливаемся в одном месте надолго.

– Я думал, вы строите дома на деревьях. Точнее, мне об этом рассказывали.

– Давным-давно даирны так и делали. Нас обучают этому с детства. Правда, прежде чем строить, нужно много тренироваться. Мы прядём волокна из паутины, болотного тростника и ивовых веток, а между ними укладываем мох и цветочный пух.

– Вот это да! Наверное, большие пальцы в этом деле вам очень помогают.

– Ещё как.

Я демонстративно пошевелила ими.

– Хвастунья, – поддразнил Тоббл. – А так можешь?

Я повернулась и увидела, как его уши закручиваются в трубочку и раскручиваются, словно крошечные вихри.

– Необычно, – согласилась я. – А для чего это вам?

– Ни для чего, – улыбнулся Тоббл.

Спустя несколько минут я притормозила и осмотрелась. Меня мучило какое-то странное предчувствие, хотя всё вроде было нормально – ветер приносил лишь запахи сосновой смолы, почвы, а ещё иван-чая и цветущего имбиря. Я слышала, как малиновая сова возится в своём гнезде на ели.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросила я у Тоббла.

– Ничего, – ответил он. – А уж я бы услышал.

Я ещё больше насторожилась. Всё тихо. Никакой опасности. Это чувство и раньше меня преследовало, особенно когда я лезла куда не надо, но понимала это только потом.

Всё же чаще я делала осторожные вылазки, даже робкие. А сегодня зашла слишком далеко. Мне совсем не хотелось рассказывать родителям, что произошло, но я всё равно стремилась попасть домой как можно скорее.

Я совершила большую ошибку, очень большую, и теперь не собиралась сделать ещё более огромную.

– Мы живём под землёй, – начал Тоббл, стараясь, видимо, отвлечь меня от плохих мыслей. – В замечательных туннелях. В длину они могут быть несколько десятков километров. У меня своя комната. Она огромная. И роскошная.

– Здорово, – ответила я, ускоряя шаг – так сильно я торо-

пилась домой.

– Я делю её со своими братьями Блэкстоном, Рупвартом и Пидлкомбом.

– Хм-м.

– А ещё с МакГупперс, Джелихорном и Брибблсом. – Тоббл задумался. – Получается, она не совсем моя.

Я снова остановилась. Что-то не так. Что-то витало в воздухе.

Я вся дрожала, хотя мне совсем не было холодно.

Я понимала, что расслабилась, позволив усталости взять верх над осторожностью.

– Держись крепче, – скомандовала я и, опустившись на четыре лапы, помчалась вперёд что было мочи.

9

Страх

Я неслась сквозь лес, затем по скалам, усыпанным мелкими лиловыми цветами. Дважды я споткнулась, но Тоббл удерживался на моей спине, крепко хватаясь крошечными лапками за мою шею.

– Смотри в оба, – задыхаясь, велела я ему.

– Хорошо, Бикс, хорошо, – серьёзно и с тревогой в голосе ответил он.

Дальше мы неслись молча.

Тучи над нами рассеивались, ветер угонял их прочь от моря. Вечер сменял день, и в просветах между облаками пылал недобрый закат.

Теперь я шла домой другой дорогой, но это уже не важно. В указателях не было нужды. Я бежала интуитивно, лишь бы быстрее оказаться дома.

Перепрыгнув через небольшой ручей, я замерла.

– Что такое? – испугался Тоббл.

Я не шевелилась. Сейчас я вела себя так, как меня учили родители. Если поспешишь, не обязательно успеешь.

Впереди, с северо-востока, до меня донёсся человеческий запах. Тот самый мальчишка-проводник? Лошади, собаки и другие браконьеры находились намного дальше.

Там же, впереди, всего в паре минут, если бежать очень

быстро, уже был наш дом.

– Нет, что-то не то. – Мотая головой, я разговаривала сама с собой.

– Что именно?

– Ш-ш-ш. – Я прислушалась, Тоббл тоже.

Ничего. Тишина.

Я была уже так близко к дому, но почему я не слышала, как моё семейство собирается в дорогу, как они ищут меня повсюду? Неужели деревья так заглушали звуки? Сборы должны быть в самом разгаре! Нужно завернуть в листья еду, спрятать инструменты, а семейные реликвии, которые мы переносили с собой с места на место, рассовать в сумки на брюшках.

Но я не слышала ни звука. Только звенящую тишину.

Пустоту.

В каждом дуновении ветра я старалась уловить хоть какой-нибудь запах, но ничего не получилось. Ветер тоже не помогал, зато где-то глубоко внутри меня росло знакомое от рождения чувство. Страх.

Я присела на задние лапы, и Тоббл скатился на землю.

– Мне надо бежать, – сказала я и сделала это раньше, чем Тоббл успел ответить.

Я неслась что было силы, спотыкаясь о ветки на земле, поскользываясь на листьях.

Я пробиралась с трудом. Я рвалась вперёд. Лезла сквозь заросли, не думая ни о чём, лишь раз прикрыв глаза, потому

что ветки хлестали мне по лицу.

Я опять остановилась.

Я потеряла дорогу. Заблудилась.

Я почти не могла дышать, ненавидя свои короткие лапы и слабые лёгкие, из-за которых я ни разу в жизни не прибегала на финиш первая и не испытала радость победы.

Предательский ветер сменил направление, и в нос ударил резкий запах – плотный, отвратительный, – будто густая лава стекала прямо по горлу, обжигая.

В одно мгновение я всё поняла.

– Нет, – прошептала я.

И снова мир затих, слышно было только Тоббла – где-то далеко позади он отчаянно пытался меня догнать.

Я увидела холм и узнала это место по одинокой гордой сосне на его вершине. Наш дом сразу за ним.

Я задыхалась, взбираясь всё выше и выше, и уже наверху, где земля больше не глушила звуки, я всё слышала.

Всё.

Вой и крики.

Страдание.

Непередаваемую боль.

Страх и отчаяние.

Я рванула туда.

Непостижимое

Казалось, я бежала целую вечность, но мне понадобились считанные секунды, чтобы понять, что произошло.

Сквозь деревья я увидела людей в одежде красного и серебристого цветов, со стрелами и палашами, злыми собаками и загнанными лошадьми. Воплощение зла. Кровопролитие. Мрак.

Это были не браконьеры. Их одежда и оружие другие. Красно-серебристые туники, кольчуги. Головы их защищали шлемы из стали в форме конусов с узкими щелями для глаз. На сапогах сверкали шпоры. На боку у каждого висел меч, а в руках они держали копья.

Не браконьеры. Солдаты Мурдано.

Улей, около десяти метров в высоту и двадцати в длину, весь блестел, как золотой, и переливался, как после дождя, — а изнутри вырывался яростный огонь. Чёрные клубы дыма валили из каждого отверстия.

Один из солдат прыгнул с лошади и ткнул копьём в грудь тел на земле.

Сверху лежал Дэлинтор, наш старейшина. Белая морда, самый мудрый в стае.

Но это его не спасло.

А затем я увидела остальных. Всех до одного.

Маму. Папу. Братьев и сестёр.

Они были свалены в одну кучу, как мусор, и истекали кровью – ею было залито всё вокруг, глаза и рты их открыты, тела исколоты и изорваны.

Они лежали в таких позах, будто хотели убежать, но не успели. Родители лежали сверху, как бы защищая детей.

Я рванула, чтобы вцепиться, убить, отомстить. Откуда-то изнутри у меня вырвался дикий рёв: я и не догадывалась, что способна на такое.

Я почти выбежала из-за деревьев, как вдруг почувствовала удар в бок, а потом в спину, – и споткнулась. Я в ужасе посмотрела на бок – из него торчала стрела, а к ней крепилась нить, тонкая и едва заметная, но очень прочная – такая могла выдержать даже быка.

Я дёрнула за стрелу, но зубцы на наконечнике не давали её вытащить.

Стрела не предназначалась для того, чтобы убить меня. Она предназначалась, чтобы взять меня в плен.

Я схватилась за нитку и попыталась её перегрызть.

В бешенстве я рвала и метала.

Тут я услышала голос из-за дерева.

– Успокойся, глупый.

Но я не успокоюсь. Не остановлюсь. Я пойду к маме и папе. Пойду к своим братьям и сёстрам, к своей стае, к своей... За спиной я услышала быстрые шаги и, не успев увернуться, почувствовала удар по шее.

В глазах у меня потемнело, и я потеряла сознание.

Часть вторая

Пленники

11

Проводник

Я ощущала движение, но сама не двигалась. Я не могла даже пошевелиться. Но видела. Чувствовала запахи. Слышала. Но двигаться не могла вообще никак.

Я висела поперёк лошади на месте седла. Она шла по каменистой дороге, раскачиваясь взад-вперёд, и было странно, что я до сих пор с неё не свалилась. Похоже, меня не только связали, но ещё и привязали. Я то и дело утыкалась носом лошади в бок, от которого так воняло потом, навозом и грязью, что я почти задыхалась.

Моё тело беспомощно болталось на лошади, словно мышшь в кошачьих зубах.

Что всё это значило? Я плохо соображала, мысли мои путались.

С каждым резким движением голова подскакивала. Когда я собиралась с силами и приподнимала её, то видела сосновые ветки, своими острыми иглами царапающие лошадь.

День в самом разгаре – значит, вечер и ночь давно мино-

вали. Неужели всё это время я была без сознания?

Я разглядела грязь и острые вершины скал. Разглядела гриву золотисто-чёрного цвета. И человека – вернее, только его ноги. Ступни его были обмотаны кожей, он уверенно шагнул вперёд. Мальчишка... Мне показалось, я вспомнила его!

Да-да, он! Тот самый проводник браконьеров.

На меня нахлынули воспоминания. Браконьеры и стрелы. Вода и страх. Станный маленький воббик. И что-то ещё... что-то ужасное. Настолько ужасное, что мой мозг отказывался вспоминать это сразу.

Проводник что-то тихо произнёс, и лошадь остановилась.

Он поправил меня, ухватив за плечо. Немного приподняв, посмотрел на моё лицо. Высоко над головой сквозь густую листву пробивался солнечный свет, я спиной чувствовала его тепло и видела короткие полуденные тени.

Я повернула голову и увидела верёвку, которой меня привязали, – толстый канат. Повернувшись в другую сторону, заметила, как лошадь прядёт ушами. У неё была рыже-чёрная грива. Проводник поднёс к моему рту бурдюк, чтобы напоить, но пить оказалось совсем неудобно. Тогда он осторожно вытер стекающие по моей щеке капли, налил воды в свою ладонь, и я стала лакать из неё, как собака. Меня мучила жажда.

– Раз уж ты очнулся, попробуем вытащить стрелу, – сказал он.

Он говорил на общем языке, а на нём обычно говорили

торговцы и путешественники – набор слов и фраз из десятка других языков. Дэлинтор научил нас ему, когда мы были ещё совсем маленькие, но в стае мы говорили только на дайрнском.

– Думаю, яд уже не действует и ты всё чувствуешь.

Так и было. Я ощущала холодные зазубрины стрелы в своём теле и ноющую боль. Болела и сама рана, и ушиб вокруг неё.

Проводник посмотрел по сторонам, проверяя обстановку. Он внимательно прислушался и приняхался, хоть и имел слишком слабый, по нашим меркам, человеческий нюх.

Кряхтя от натуги, он снял меня с лошади и усадил на землю, рядом с холмиком, покрытым мхом, в тени раскидистого вяза. Я набралась мужества и взглянула на раненый бок. Древко стрелы было сломано, торчал лишь небольшой кусок. Кровь вокруг раны запеклась и почернела.

Я ловила взгляд проводника, чтобы хоть что-нибудь прочесть в его глазах.

Я также пыталась вспомнить хоть какую-нибудь информацию о людях – стихотворения, наши уроки... Чему меня учили мои... И в этот момент меня будто плитой придавило, и гнать воспоминания прочь стало бесполезно.

Моя мама. Мой папа. Мои братья и сёстры.

Я вспомнила абсолютно всё.

Горящий улей.

Солдаты с копьями.

Всё до мелочей.

Закрыв глаза, я слышала пронзительные крики. Я ощутила солёный запах крови, запах железа, мечей и доспехов.

Я видела, как кто-то в сапогах с блестящими шпорами пинает бездыханные тела. Кучи тел.

Во мне поднималась дикая ярость.

Я хотела наброситься на кого-нибудь. Хотя бы на этого мальчишку.

Вцепиться зубами и рвать его, чтобы он так же, как мои родные, истекал кровью.

– Я не собираюсь тебе врать, – твёрдо сказал он. – Будет больно.

«Вот и хорошо. Пусть мне будет больно», – подумала я. Пусть это будет настоящая, физическая боль.

Проводник собрал сухих веток и немного ветоши. Он достал огниво и ударил кремень о железо. Искры упали на ветки, заструился дымок.

– Я не мог развести огонь ночью, – объяснил он.

У него был странный голос. Вернее, их было два. Один – грубый, а второй – он всячески его скрывал – значительно мягче.

– Нам важно, чтобы было поменьше дыма. Сейчас солнце светит под выгодным для нас углом, оно будет ослеплять наших преследователей.

Он достал нож.

Я задержала дыхание.

Но он начал просто накалять его над огнём.

– Целители говорят, извлекать стрелу лучше раскалённым ножом, – приговаривал он.

Но мне было всё равно. Я не хотела, чтобы меня спасали. Я хотела либо мстить, либо умереть – больше не думала ни о чём.

Никого нет в живых. Никого не пощадили.

Никого.

– Мне надо сделать три небольших разреза, – продолжал проводник.

Его слова были для меня пустым звуком.

Моя семья. Мои родные. Никого больше нет.

Лезвие, проникая в тело, сильно жгло, и я вздрогнула, однако мальчишка орудовал ножом быстро и уверенно.

Боль становилась всё сильнее, но я не издала ни звука.

Он не дожждётся моих слёз.

Когда он резал второй раз, стало больнее. Я так стиснула зубы, что они чуть не треснули.

Третий разрез показался терпимее. Боль, казалось, притупилась. И разве могла она сравниться с невыносимой болью в моём сердце?

– Чтобы вытащить стрелу, мне надо её прокрутить, – предупредил он.

Было жутко больно, но всё закончилось быстро. Отрезав наконечник стрелы от сломанного древка, обтерев с него кровь, он спрятал его в мешок, висевший на той же стороне,

что и сайдак.

Я внимательно изучила оружие мальчишки.

У него были лук и стрелы. А ещё поржавевший меч, который казался слишком большим для него, особенно когда он вставал на колени. Из сапога торчал нож.

Проводник открыл поясной кожаный мешок, достал потрёпанный листок растения и приложил его к моей ране на боку.

– Не держится на шерсти. Это для заживления, – приговаривал он. Обмотав куском ткани мою грудь, ему всё же удалось его закрепить. – Я целился в ногу, но ты дёрнулся – совсем не вовремя, – как бы извиняясь, добавил он.

– Лучше бы в сердце попал, – пробормотала я, удивляясь, зачем вообще с ним беседую. – По крайней мере, сейчас бы я была с теми, с кем должна.

Проводник в недоумении посмотрел на меня. Это первые мои слова с момента нашей встречи, и казалось, мальчишка не знал, что ответить.

– Рад, что ты выжил, – в итоге сказал он.

Я отвернулась в сторону.

– А я нет.

Тяжело вздохнув, он ногой потушил огонь и присыпал землёй и сказал:

– Надо идти дальше.

Оставив мои передние лапы связанными за спиной, что было ужасно неудобно, проводник развязал мне задние, по-

том приподнял и еле усадил на лошадь. Теперь я сидела, а не висела мешком.

Он тоже удивительно плавно и грациозно сел на лошадь сзади меня и взял поводья. Мы отправились дальше, теперь уже быстрой рысью. Очень скоро мы вышли на открытую местность, которая была мне незнакома: не лес, не луг и не море. Кругом рос низкий кустарник и высились голые скалы.

Мальчишка старался вести лошадь по каменистой почве, чтобы наши следы сложнее было обнаружить.

Я решила присматриваться и запоминать дорогу, по которой мы ехали, ведь это могло пригодиться для побега.

Я сосредоточилась и смотрела вперёд.

Только толку от этого было мало.

Перед глазами стояли кучи тел и застывшие взгляды тех, кого я сильно любила.

12

Шёпот

Постепенно виды вокруг менялись. Земля становилась всё более каменистой. Сосновая роща справа редела, а вскоре и вовсе исчезла. И лошади, и проводнику каждый шаг теперь давался с трудом. Вид у второго был измученный, но он подгонял животное, и мы шли почти вплотную к выступающим серым скалам, стараясь не задеть острые каменные выступы и не пораниться.

Я принюхивалась, надеясь уловить знакомые запахи, но их не оказалось. Ветер шептал и постанывал, однако о том, где я и куда мы идём, не рассказывал.

Рана в боку ныла и жгла. Самодельная повязка сильно стягивала грудь, не позволяя глубоко вдохнуть.

Когда мы перебирались через звонкий ручей, я поняла, что очень хочу пить.

Я слышала, как шептал ветерок, журчал ручей и, казалось, что-то ещё...

В лёгких порывах ветрах я как будто бы слышала своё имя.

— Бикс.

Я прислушалась.

— Бикс.

Я распрямилась и приготовилась слушать, но всё стихло.

Неужели это моя мама? Зовёт меня из другого мира?

Но я снова слышала лишь стук копыт по камням и дыхание проводника.

Просто сейчас у меня каша в голове, говорила я себе. Слышу то, чего на самом деле быть не может.

Но вот опять:

– Бикс.

Возможно, я просто слышала то, что хотела, что меня где-то ищут и знают: я жива.

Ветер чуть слышно пел свою таинственную мелодию, и на меня нахлынули воспоминания. Я вспомнила разговор родителей несколько дней назад. Они сидели в дальнем углу нашего временного жилища и шептались о нас – о моих братьях, сёстрах и обо мне.

Они думали, что мы спим.

Но мы не спали.

Когда дело касается укладывания детей спать, необъяснимо, но родители оказываются мастерами самообмана.

– Если придёт беда... – сказала мама и тут же стихла.

– Когда придёт беда, – поправил её папа.

– Когда придёт беда, – продолжила она, – я буду очень переживать за них. Но больше всего я боюсь за Бикс.

Я услышала своё имя и вздрогнула, но продолжала лежать с закрытыми глазами и дышать медленно и ровно. Никто лучше меня не умел притворяться спящим.

– Почему за Бикс, дорогая? – поинтересовался папа.

– Потому что она совсем крошка. – Голос мамы задрожал. – Я видела сон, очень страшный. За нами пришли. Мне снилось, что она умерла первая.

– Умерла первая, – повторил отец и замолчал.

Я помню, как лежала и не шевелилась, затаив дыхание. Всё ждала, когда же они снова заговорят.

– Я тоже видел сон, – тяжело вздохнув, наконец снова сказал он. – И он был ещё хуже. – Голос его дрогнул. – Будто бы она осталась последним даирном на земле.

– О нет! – воскликнула мама, и было слышно, как она заплакала. – Об этом невозможно даже думать. Последняя из рода...

Мой брат Рифис, который спал в куче подо всеми, слегка пнул меня ногой.

– Не переживай, Бикс, – решил подбодрить меня он. – Они не будут тратить свои стрелы на такую дохлячку, как ты. Кожа да кости, есть нечего.

– Они убивают нас не ради того, чтобы съесть, – прошептала моя старшая сестра. Она была среди нас самая умная – может, потому что была мастером по подслушиванию. – Нас убивают из-за меха. Так говорит Дэлинтор.

Мы много раз об этом слышали, но разве это что-то меняло?

– Эй, вы что там, не спите? – крикнула нам мама.

Само собой, мы промолчали. Вскоре родители затихли, и мы тоже угомонились.

– Бикси? – спустя несколько часов прошептал мой брат Джекс. Ему, похоже, тоже не спалось.

– Что? – тихо ответила я.

– Не переживай. Я тебя защищу.

Джекс, ласковый и очень простой, был на год старше меня, с глазами разных цветов: лиловым и зелёным. Я любила его больше всех остальных, а он любил меня.

– А я – тебя, – ответила я ему.

Скажи я это кому-то другому в семье, меня бы высмеяли, но только не Джекс.

Он взял мою руку в свою.

Когда я проснулась через несколько часов, он всё так же держал её.

13

Пещера

Мы остановились. Проводник сказал лошади всего одно слово на непонятном мне языке – и животное послушно встало.

В воздухе пахло мхом и сырым камнем, а ветер, словно дряхлый старик, протяжно стонал, будто пытался глубоко вздохнуть.

Проводник снова обратился к животному, теперь уже на общем языке:

– Стой тут, Валлино.

Лошадь поняла хозяина, грациозно опустила голову и стала нюхать и щипать траву, кое-где пробивающуюся из-под камней.

Я попыталась развязать руки, но у меня ничего не вышло. Мой похититель знал толк в узлах.

Немного погодя мальчишка вернулся. Он не без усилий снял меня с лошади, и я тяжело встала на ноги. Мы осторожно пошли дальше вдоль обрыва.

Из пещеры тянуло сыростью.

Я снова попыталась освободить руки, и снова бесполезно. Спотыкаясь, я зашла в пещеру, и уже за первым поворотом стало ясно: дальше свет не проникает, даже силуэты невозможно различить.

– Я думаю, можно остаться здесь, – снова на общем языке сказал проводник.

Он усадил меня на задние лапы, что для даирна не очень удобно.

– Жди тут, – приказал он мне, будто у меня был выбор. – Я приведу Валлино.

В пещере раздалось эхо от цоканья подков. В замкнутом пространстве лошади было страшно, и поэтому она не слушалась. Я прекрасно могла её понять: темень хоть глаз выколи. Только подойдя к проводнику практически вплотную, я смогла его разглядеть.

Он очень аккуратно размотал повязку на моей груди и убрал приложенный к ране лист.

– Всё хорошо. Кровотечение остановилось.

И снова я услышала его странный голос. Как-то раз, когда я была ещё совсем маленькой, я слышала вдалеке человеческие голоса. Тогда мы подошли слишком близко к деревне, люди за нами погнались, они кричали и ругались.

И вот вчера я снова услышала голоса людей, такие же грубые, грохочущие.

Однако голос этого мальчишки отличался от тех. В нём скрывалась какая-то мелодия, песня жаворонка из ветвей на верхушке дерева.

Он снял с лошади бурдюк с водой и одеяло.

– Валлино только обрадуется, – сказал проводник, но лошадь в ответ сердито фыркнула.

Я увидела, как в темноте блеснули белые зубы, и не могла понять, то ли это улыбка, то ли мне показалось.

Подтыкая одеяло под плечи и ноги, он осторожно укрыв меня.

– В пещерах холодно, – объяснил он.

Затем приподнял бурдюк, и я, наконец, напилась.

Как бы мне хотелось сбросить одеяло: лошадиный запах стоял у меня в носу. Но я понимала, что согреться сейчас жизненно необходимо. Я дрожала, словно загнанный зверёк.

По мере того как на землю опускалась ночь, в пещере, благодаря лунным улиткам, напротив, становилось светлее. Они усыпали потолок и стены и, казалось, не двигались, но на самом деле всё же едва заметно ползали. В их прозрачных раковинах дрожали огоньки, меняя цвет с бледно-розового на тёмно-оранжевый – так меняются цвета заката, и сами улитки сейчас были словно «живыми» закатами.

Проводник направился к лошади – он хотел достать что-то из своей кожаной сумки. Вытащив оттуда еду в холщовом мешке и привязав его к морде Валлино, он тщательно почистил лошадь щёткой. Достав все колючки из золотистой гривы, по очереди поднял каждую ногу и ножом отковырял камни и присохшую к копытам грязь.

Закончив эту работу, мальчишка уселся напротив меня. У него был кусок вяленого мяса, и он, разорвав его, поделился со мной. Раньше я ни за что не взяла бы его, да и сейчас хотела уже отказаться, но, чтобы сбежать, нужны силы. Он

порвал жёсткое, бурого цвета мясо на ещё меньшие куски и накормил меня, как маленькую.

– Жаль, нельзя развести огонь, – почти извиняясь, начал он разговор. – Если из пещеры повалит дым, солдаты Мурдано нас заметят.

Сейчас мы рассматривали друг друга.

Складывалось впечатление, что он видит даирна впервые. Вот бы мне никогда не встречать людей.

Его кожа была тёплого коричневого оттенка, и на ней не рос мех, только волосы на голове – чёрные, волнистые, затянутые кожаным шнурком в небольшой хвост. Его тёмные глаза мало чем отличались от моих, хотя при таком освещении сложно понять. Вместо вытянутой морды у него был странный приплюснутый рот, а пухлые губы то показывали, то снова скрывали его абсолютно бесполезные зубы: такими поймать добычу просто невозможно.

– Итак, – начал он, – ты – даирн.

– А ты человеческий самец, – бросила я в ответ.

Он широко улыбнулся.

– Что ж, я рада, что одурачила тебя.

– Одурачила?

– Ну да.

Вдруг его голос изменился: он по-прежнему говорил серьёзно, но уже без фальши и значительно выше и мягче.

И тут меня словно молнией ударило:

– Так ты самка!

– Верно, – сказала она опять голосом «когда-смешно-но-надо-быть-серьёзным».

Сначала я подумала: как же даирн со своим легендарным нюхом мог так ошибиться? Но теперь поняла: после стольких недель скитаний в дикой природе попробуй-ка учуй человека под толстым слоем грязи.

– Прости, – зачем-то пробормотала я. Я была так воспитана – уважать окружающих и никогда не называть существа неправильными названиями. – Я мало общалась с людьми. – И тут во мне снова закипела ярость, и я добавила: – А лучше бы вообще не общалась.

– А вот я ещё ни разу не видела даирна, – ответила девочка. – Ты первая.

– А разве это не ты посылала даирновский сигнал тревоги там, у скалы?

– Ты слышала его? – Сейчас она будто бы гордилась собой. – Да, это я. Ваш класс всегда вызывал у меня любопытство, поэтому один браконьер научил меня посылать этот сигнал. – Она наклонила голову. – Ну так что, у меня хорошо получилось?

– Очень фальшиво.

– Тогда, может, научишь, как надо?

– Чтобы ты всех даирнов переловила? – У меня встал ком в горле. – Если, конечно, хоть кто-то остался.

Он... то есть она потупила глаза.

– Прости, мне жаль... очень жаль твою родню.

Меня распирало от злости и ненависти, но я промолчала. Я не могла произнести слово «семья». Не могла сказать «брат» или «сестра», «мама» или «папа». Боль потери души-ла меня.

Вместо того чтобы говорить с ней, я сосредоточилась на своём обонянии, я вспоминала запахи браконьеров и солдат Мурдано и сравнивала их с запахами этой девчонки. Я находила различия и отбирала их. Никогда больше я не спутаю человеческих самца и самку.

– У тебя есть имя? – спросила девчонка.

– А у тебя?

– Моё имя Харассанда, но все зовут меня Хара, это может быть и мужское, и женское имя. Браконьеры звали меня «парень». Или «проводник». Или «эй ты».

– Люди так глупы, что не могут понять, что ты девчонка?

– Люди видят то, что хотят видеть. Я одета как парень, говорю как парень. Они и видят парня.

– Но почему? – Проявилось моё природное любопытство, и я не могла удержаться и не спросить.

– Почему хотят видеть во мне мальчишку? – Хара оторвала кусочек мяса и положила мне в рот. – Девчонкам не разрешают охотиться. Им вообще много чего не разрешают. Да почти всё нельзя.

Это было так странно. Получается, я мало что знала о людях, ведь Хара сказала правду. Нет смысла врать даирнам. Мы чуем ложь. Сами мы можем преувеличивать или расска-

зывать небылицы, шутить или играть словами, но никогда не врём, как это делают представители других классов.

Иногда это хорошо, а иногда не очень.

– Ну а ты? – спросила она как бы между прочим.

– Я не притворяюсь кем-то другим, – ответила я. – Мне незачем.

Она кивнула.

– Счастливая.

– Как раз наоборот.

– Да, я понимаю, о чём ты.

Она очень внимательно смотрела на меня. Лицо человека было для меня чем-то совсем новым, и тем не менее взгляд её такой же, как у даирнов, – смыслённый и проницательный.

– Если бы на нашем пути попались плохие люди, я бы жестоко поплатилась за то, что девчонка, – тихо сказала она. – Возможно, даже жизнью.

И тут до меня дошло: если она рассказывает мне всё это, значит, доверяет.

Но я ей не доверяла. И вряд ли стану.

Хотя я и не боялась её больше.

Я посмотрела ей в глаза и сказала:

– Меня зовут Бикс.

Нежданный гость

Посреди ночи я открыла глаза. Понять, что сейчас ночь, было уже неплохо, ведь глубоко в пещере определить время суток практически невозможно.

Я услышала странные звуки, а точнее два.

Первый – дыхание Хары.

На каждом вдохе она издавала протяжное урчание, но не как это обычно делает болотная жаба, а как-то по-своему.

Я предположила, что люди так дышат во сне.

Второй – будто где-то скреблась крыса. Но это только казалось. Мой нюх подсказывал, что это не она и не мышь. Похоже на... воббика.

У меня заколотилось сердце.

Я прислушалась. Хрум, хрум, тишина. Хрум, тишина.

Вот это да! И правда Тоббл!

Сверкнули его зубы, и я поняла: он улыбается. При тусклом свете, исходящем от лунных улиток, его чёрные глаза тоже блестели. Я жестом дала ему понять, чтобы он молчал. Нельзя было будить Хару.

Перекатившись набок, я показала Тобблу, что у меня связаны руки. Он тут же взялся за дело, шустро орудуя своими хваткими лапками и зубками. Наконец воббик развязал мне руки, и я только тогда почувствовала, как они онемели.

В знак благодарности я дружески похлопала Тоббла по плечу. Довольный, он тут же заурчал, но не как Хара, а нежнее и мелодичнее.

Мы поползли, сантиметр за сантиметром: Тоббл – первый, я за ним. Валлино, конечно же, слышал нас. Он не только хорошо соображал, но и, как любое стадное животное, обладал хорошо развитыми чувствами. Заржав или просто фыркнув, он легко мог нас выдать, но делать этого почему-то не стал.

Я думаю, причина проста: ему не придётся везти на себе никого, кроме Хары. Возможно, он был даже счастлив, что мы сматываемся.

Мы выползли из пещеры под открытое, усыпанное звёздами небо и теперь как можно тише уносили ноги от пещеры.

– Спасибо тебе, – прошептала я. – Так это ты меня звал?

– Да. Я хотел, чтобы ты не теряла надежду.

– А я уж думала, мне послышалось.

– Ты ранена, – сказал Тоббл, показывая на мой бок. – Точно сможешь идти дальше?

– Всё в порядке.

Тоббл обернулся и посмотрел на пещеру.

– Она хотела тебя убить?

– Так ты понял, что это самка?

– Конечно, – ответил Тоббл. – А ты разве нет?

– Нет, – призналась я.

Не всегда наша честность идёт нам на пользу.

– Ну а сама как думаешь – она хотела тебя убить?

– Да зачем тебе это?

– Я хочу знать, спас ли я тебе жизнь.

– Вон оно что! Ну конечно же, ты меня спас, – ответила я. – И я безмерно тебе благодарна. Но хотела она меня убить или нет – этого я не знаю. Понятия не имею, какие у неё были планы.

Воббик недовольно фыркнул.

– В таком случае я не могу расценивать это как спасение.

– Конечно, можешь.

Тоббл покачал головой.

– С Кодексом Чести не поспоришь, Бикс.

Я чувствовала, что сейчас лучше не возражать.

– Итак, – решила я сменить тему, – как думаешь, где мы сейчас?

– О, могу с полной уверенностью сказать, что сейчас мы в конце горного хребта, между Лесом Нуля и Землёй Болот.

– Лесом Нуля?

Каждый дётеныш даирна хоть раз да слышал о нём. В сказках, которые им читали на ночь, этот лес часто упоминался. Жуткое место: в нём водились жестокие звери, чудовища и хищные растения.

Тоббл с важным видом кивнул. Он выглядел глупо, когда пытался казаться серьёзным.

– Я никогда не была на болотах, – сказала я.

– И я, – ответил Тоббл.

Я попыталась вспомнить уроки географии.

– А ты знаешь, что находится за ними?

Тоббл с задумчивым видом постучал пальцами по подбородку.

– Равнины. Город. Горы. Что-то там ещё. А дальше совсем другая страна – Дрейленд.

– Похоже на правду, – похвалила я воббика. – Но география никогда не была моим любимым предметом.

– Одно могу сказать точно: нам ни в коем случае нельзя подходить к границе.

– Как будто мы можем до неё дойти! – ответила я. – А что там такого?

– Ходят слухи, что Мурдано планирует захватить Дрейленд.

– Откуда тебе знать? – усомнилась я.

– Воббики – морской народ, – гордо улыбнулся Тоббл. – Мы знаем обо всём понемногу.

– Тогда, может, ты скажешь, куда дальше идти?

– Нет, – сказал Тоббл. – Это решать тебе.

Но как я могла решить?

«Если бы тут были мои родители, – в отчаянии подумала я, – они бы показали дорогу».

Миксо, Дэлинтор, хоть кто-то из братьев или сестёр – у каждого из них была намного лучше развита интуиция. А что знала я? Я всегда плелась в хвосте, и меня никогда не воспринимали всерьёз. По сути, я вообще ничего не знала.

Хотя нет, не совсем так. Я знала, что сейчас самое важное – убежать от Хары как можно дальше.

Я посмотрела на доверчивое лицо Тоббла, который ждал моего ответа.

– Мы идём на болота, – с уверенным видом сказала я.

Он показал на север. Мы пошли настолько быстро, насколько позволяли его короткие лапки. И тут я почувствовала угрызения совести, ведь Тобблу пришлось бежать весь день и почти всю ночь, чтобы успеть за Валлино. Чтобы спасти меня.

– Ты, должно быть, совсем без сил. Хочешь дальше на мне верхом?

– Даже слушать об этом не хочу! Ты ранена, – ответил Тоббл. – У воббиков потрясающий обмен веществ. Однажды я бежал шесть дней напролёт без еды и отдыха.

Моё чутьё мне подсказывало: он немного преувеличивал, но я промолчала и просто решила бежать не так быстро, чтобы не загнать его. Он рисковал ради меня – я не должна этого забывать.

Всю дорогу, пока мы добирались до первого топкого холма, покрытого жухлой, блёклой травой, нас сопровождал неприятный запах болот – запах гнили, приторный по верхам. Запах разлагающихся живых организмов.

Но по мере того как мы не без труда, но шли вперёд, хлюпая в топкой трясине, я злорадствовала: если Хара и сможет тут пробраться, то Валлино – точно нет.

– Надо пройти ещё немного, а потом повернуть на юго-запад, – сказала я.

– Обратно? Откуда мы пришли?

Я резко остановилась. Неужели улей, обгоревший и зали-
тый кровью, и был моей целью? Но зачем? Вернуться к мёрт-
вым телам? Что я там буду делать, когда доберусь?

Я медлила.

– Хотя бы попрощаюсь, – в итоге сказала я.

Может, мой ответ и устроил Тоббла, но не меня саму.

Неужели я и правда не знаю, куда идти?

Мной овладело отчаяние. Я стояла посреди вонючего бо-
лота, не зная, куда повернуть. У меня не осталось семьи. Не
осталось дома. Единственной причиной вернуться служило
то, что другого места, куда я могла бы отправиться, у меня
просто не было. У меня не было никого и ничего.

Сколько я себя помнила, я всегда была частью чего-то
большого.

Частью семьи.

Частью стаи.

Частью рода.

Кем я была теперь?

«Ты по-прежнему даирн, – сказала я себе. – Сегодня ты
одинока. Но это не значит, что ты будешь одинока всегда.
Миксо хотела повести нас на север. Она верила, что там тоже
есть даирны. Если она надеялась – значит, и ты надейся».

Меня пронзила острая боль, когда я вспомнила слова ма-

мы во время нашей последней беседы: «Надеяться можно всегда». Потом она, конечно, добавила: «Пока жизнь это позволяет».

– Бикс? – прервал мои размышления Тоббл. – С тобой всё в порядке?

Я еле заметно кивнула. Возможно, я единственный даирн на юге. В Недарре. А может, и во всём мире.

Я не знала правды, не знала, что меня ждёт впереди.

Пока не знала.

Может, я не так уж и одинока. Ведь рядом со мной этот славный воббик.

Мы шли дальше и постепенно начали сбавлять скорость. Мрачный пейзаж представлял собой сплошь большие неглубокие лужи и болотистые холмы. Делать шаг теперь означало каждый раз выдёргивать ногу из топкой грязи, которая так решительно хватала нас, что казалась почти живой.

Низко в небе, будто жёлтый коготь, висел молодой месяц и освещал деревья впереди нас, превращая их будто в зловещих скелетов. Они были абсолютно голые, без единого листочка, а их корни, выпирающие наружу, напоминали узловатые пальцы, вцепившиеся в землю мёртвой хваткой.

– Это демоны болот, – сообщил мне Тоббл. – Может, пора передохнуть?

– Потрясающий вид, – съязвила я. – Завтра, вероятно, устроим привал на кладбище.

Мы выбрали место посуше и притулились у корней.

Я взяла палку и начала счищать грязь со стоп. Тоббл быстро почистился, пробурчал что-то невнятное и мгновенно уснул.

Может, так даже было лучше, ведь я могла не спать и нести дозор.

Я зевнула, встряхнулась и снова зевнула.

«Не спать, – сказала я себе. – Позже поспишь. Не спать».

Я зевнула ещё раз.

«Не спа...»

Нападение змей

Я проснулась на рассвете от ощущения, что по мне кто-то ползёт.

– А-а-а! – завопила я и поняла: что-то придавило меня к земле, и оно шевелилось.

Тяжёлое и живое.

– Змеи! – закричала я.

– Змеи! – завизжал Тоббл.

Передо мной метнулась чёрная змеиная голова с открытой пастью – она исследовала ночные запахи и... меня.

Я боролась, но с каждым движением огромная змея обвивала и сжимала меня только сильнее. В темноте она вся светилась – чёрное тело с зелёными и жёлтыми полосами.

– А ну, пусти! – орала я ей, хотя её голова была намного больше моей.

Но она будто не слышала.

Я брыкалась и била ногами, но словно с воздухом сражалась. Освободить руки не получилось: громадная змея была в разы сильнее меня. Медленная, изворотливая и сильная, она не собиралась останавливаться, всё туже и туже обматывая меня своим бесконечным телом.

Я чувствовала свою беспомощность. «Только не паникуй, – сказала я себе. – Только не это».

Но чем больше я себя успокаивала, тем больше дрожала от страха.

Я подняла голову и увидела, что ветки деревьев шевелятся – змеи были повсюду.

Десятки. Возможно, сотни.

– Бикс, держись, я спасу тебя! – вдруг услышала я.

Но не успел Тоббл прыгнуть на душившую меня змею и вцепиться в неё зубами, как что-то схватило его и утащило как на верёвке. Одна из змей петлёй свесилась с дерева и, схватив Тоббла, крепко обвила его тело.

– На помощь! – закричала я, хоть и понимала, что меня никто не услышит.

У змеи было мертвецки холодное тело.

– О боже! – завопил Тоббл. – Только этого не хватало.

– Помогите! – снова закричала я. – Кто-нибудь, на помощь!

– Помощь, говоришь?

Я сразу узнала этот мягкий язвительный голос.

У меня было время его запомнить. Пребывая уже в полном отчаянии, сейчас я радовалась ему всем сердцем.

В это время змея обмотала меня своим толстым, как ствол молодого дерева, телом так, что закрыла пол-лица, и теперь я смотрела только одним глазом и почти не могла говорить.

– Нужна! – с трудом произнесла я. И тут змея сдавила меня ещё раз, и дышать стало нечем.

– Клянись, что больше никогда не сбежишь от меня?

Сейчас не время было торговаться.

– Да! Клянусь! Спаси!

– Ну что ж, – невозмутимо ответила Хара, – если уж ты так просишь.

Прямо над ухом у меня звякнул металл – такой долгожданный звук.

Хара подняла клинок, и я была невероятно удивлена, разглядев его одним глазом.

Она же носила с собой ржавый, старый меч с изогнутой гардой и простым, обмотанным кожей эфесом. Но сейчас рукоять его искусно украшали драгоценные камни, а лезвие сверкало так, будто кузнец только что вынул его из огня.

Хара со всей силы ударила мечом по хвосту змеи.

Я слышала лязг металла.

Змея яростно зашипела, глядя на Хару своими жёлтыми и круглыми, как бусины, глазами. Отпускать меня она не собиралась.

У меня в висках стучала кровь, лапы онемели. Всё вокруг поплыло.

– Не хочу объявлять войну всему змеиному роду, – сказала Хара, – но вот тебе точно не сносить головы.

Прямо над Харой я увидела ещё одну змею, хотела закричать и предупредить Хару, но мне хватило сил только простонать.

Огромная змея повисла прямо над ней.

Невероятно ловко Хара разрубила её пополам, и два огромных куска тяжело рухнули на землю. Эти куски ещё какое-то время извивались, а затем замерли.

После этого змеи не захотели церемониться. Они тут же повылезали из всех щелей и поползли к нам, сливаясь с кор-

нями деревьев – этими корявыми узлами, выпирающими наружу.

Сотни спиралей теперь свисали с веток, вылезали из воды. Хара ненадолго задумалась. Совсем ненадолго.

И уже через секунду она лихо закружилась в воздухе. Она подпрыгивала, выписывала головокружительные пируэты, и её сверкающий меч оставлял в воздухе следы, похожие на те, что оставляет хвост падающей кометы.

На меня полетели брызги горячей змеиной крови, словно начался внезапный ливень. Но самая огромная из них – та, которая всё ещё крепко удерживала меня, сдаваться не собиралась. Она подняла голову, широко разинув чудовищную пасть и демонстрируя пару огромных ядовитых зубов.

Если это моя смерть, думала я, то пусть я умру быстро.

И тут змея молнией бросилась на меня. В её отвратительной пасти поместилась только моя макушка, а её зубы лишь слегка задели мои уши.

Моя голова оказалась слишком большой, и сразу проглотить её не получилось бы, но змея знала, что делала: если убьют её, то убьют и меня.

Слюни, зловонное дыхание, ядовитые зубы – казалось, на голову мне надели отвратительный тесный шлем. Меня зашатавало. Воняло невыносимо. Но я ничего не могла поделать, даже сдвинуться на миллиметр, и потому приходилось терпеть.

Краем глаза я уловила, как Хара удерживает меч горизон-

тально и выписывает изящные линии. Прямо над моей головой. Лезвие поразило плоть. Но, к счастью, не мою. Змея вдруг ослабла.

Хара вонзила меч ей в голову, лезвие прошло всего в паре сантиметров от моего лица.

Все змеи вокруг хором зашипели, как будто подводя итог произошедшему.

Когда и Тоббл был освобождён, он плюхнулся в густую грязь прямо к ногам Хары. Неспешно, извилистыми путями, змеи все до одной уползли.

Наконец хватка скрутившей меня змеи стала ослабевать. Я поспешила хотя бы частично высвободиться, но змея по-прежнему крепко сжимала мою голову, и, как я ни старалась, не могла разжать её челюсти.

– Я бы не отказалась от помощи, – сказала я, но всё внимание Хары сейчас занимал Тоббл.

– Ты кто? – выпытывала она у дрожащего воббика, сидя перед ним на коленях.

– Я? – пропищал он в ответ. – Я тут, чтобы спасти Бикс.

– Ты немного опоздал, – ответила она. – У тебя имя есть?

– Я никто, – тихим голосом ответил он.

Хара немного подумала.

– Ну, тогда ты будешь завтраком.

– Нет! Он... он друг! – закричала я.

– Что ж, – сказала она, – тогда придётся есть змей.

Завтрак подан

По уши в грязи, тихие и послушные, мы покорно и молча возвращались в пещеру.

Хара даже не стала нас связывать. Она понимала: в ближайшее время нам и в голову не придёт устроить побег.

Валлино недовольно фыркнул, увидев нас. Хара молодец, что решила не брать его, а пошла пешком: он бы мгновенно увяз в болоте.

Хара развела небольшой костёр и пожарила огромные куски змеино-го мяса, нанизанные на палку. Странно есть то, что совсем недавно пыталось съесть тебя, но на вкус этот факт никак не влиял – он был изумительным.

Мы ели молча, пока Хара не спросила Тоблла, почему он не притрагивается к пище.

– Воббики не едят мяса, – объяснил он, хотя я видела, какими глазами он смотрел на аппетитные обжаренные куски.

– А что ты обычно ешь? – спросила Хара. – Может, я смогу это найти.

– Ну что вы, не стоит беспокоиться, большое вам спасибо!

Тоббл оставался вежливым – никакие обстоятельства не могли на это повлиять.

– Нам предстоит долгая дорога. – Хара палкой пошевелила ветви в костре. – Уверен, что не хочешь как следует под-

крепиться?

– Абсолютно уверен, – ответил Тоббл, и в животе у него заурчало так, что даже урчание в желудке феливета не могло с ним сравниться.

– Твой желудок думает иначе, – облизывая пальцы и улыбаясь, дразнила его Хара. – Ты травоядный, да?

– Я ем траву и жуков. Ну и кору деревьев на крайний случай.

– Попробую что-нибудь для тебя найти. – Хара поднялась на ноги.

– Прошу вас, не беспокойтесь. – Тоббл умоляюще сложил руки на груди. – Я всё равно не смогу принять еду из ваших рук, ведь вы наш враг.

– Тоббл, – настойчиво и строго сказала я, – ешь, пока есть такая возможность. Нам нужны силы для...

– Только не говорите, что для побега, – погрозила пальцем Хара. – Я буду всё время у входа в пещеру, так что даже не мечтайте.

Мы подождали, пока она уйдёт.

– У меня никаких идей, – сказал Тоббл. – А у тебя, Бикс? Я потёрла нос – на нём была ссадина от змеиных зубов.

– И у меня, – устало призналась я, чувствуя наше поражение. – Абсолютно нечего предложить.

Когда спустя несколько минут Хара вернулась, её мешок был набит травой и листьями. Она раскрыла правую ладонь и продемонстрировала клубок извивающихся оранжевых мно-

гоножек, похожих на мини-змей. У воббика загорелись глаза.

– Тебе надо поесть, Тоббл, – подбодрила я его.

С недовольным видом он протянул лапу. Хара вложила в неё кучку слизких насекомых. Тоббл разом сунул их в рот и начал громко жевать.

Хара засмеялась. Впервые я услышала её смех – чрезвычайно мелодичный, похожий на песню. Удивительно, но вопреки всем обстоятельствам он показался мне очень приятным.

– Я скорее съем помёт барсука, чем многоножку, – заключила она.

– А ты хоть раз её пробовала? – спросил Тоббл с набитым ртом, мгновенно забыв о хороших манерах.

Хара кивнула.

– Она отвратительная. Безвкусная, как дорожная пыль.

– Не такая безвкусная, как мясо воббика, – добавила я и, увидев, как Тоббл на меня смотрит, тут же пожалела о сказанном.

– Вообще-то, непросто наслаждаться едой, – сказал он, – когда твои друзья обсуждают, какой ты на вкус.

На полу пещеры рядом с Тобблом Хара соорудила кучку из собранных ею травы и листьев.

– Вот как, я уже друг, а не враг?

Тоббл не ответил. Его рот уже был набит листьями лунника.

Хара сидела у костра, скрестив ноги. Она смотрела то на Тоббла, то на меня, будто пыталась что-то разгадать.

– И всё-таки вы очень странная парочка. Что свело вас?

Я не хотела отвечать. С какой стати мы должны ей что-то рассказывать о нас? Но в то же время у меня к ней тоже были вопросы, и немало. Может, если я ей всё расскажу, то и она удовлетворит моё любопытство, и эти знания помогут мне в будущем?

– Я спасла Тоббла, когда его лодка тонула, – сдалась я. – И теперь он считает, что в знак благодарности тоже должен спасти меня, да ещё и трижды.

– Кодекс Чести Воббика, – объяснил Тоббл, при этом с его подбородка стекали капли зелёного сока.

– Ах вот оно что, – ответила Хара. – А сколько тебе лет, Тоббл?

– Сорок два. – Тоббл вытер рот лапой. – В моей семье я считаюсь ещё ребёнком.

– В сорок два года? – воскликнула Хара. Она прищурилась. – Постой, а сколько же тогда воббики живут?

– Довольно-таки долго. Мне сейчас, – он, наконец, перестал жевать, – лет восемь по человеческим меркам.

– А тебе, Бикс? – спросила Хара.

– А мне одиннадцать.

– Как я понимаю, даирны живут столько же, сколько и люди.

– Они могли бы столько жить, – мрачно ответила я, – если

бы не люди.

Хара кивнула.

– Жаль, но это правда.

– А тебе сколько? – полюбопытствовал Тоббл.

– Четырнадцать. Говорят, уже достаточно взрослая, чтобы заводить семью и всё такое. – Она скривила лицо.

– Я ответила на твои вопросы, – не отставала я. – Теперь твоя очередь.

Хара слегка улыбнулась и кивнула.

– Хорошо.

– Как ты решила стать браконьером и убивать ради денег?

– Всем надо как-то выживать, не важно, девчонка ты или мальчишка. А уж мне тем более. Так вышло, что у меня нет выбора. – Хара задумчиво смотрела куда-то мимо меня. – Раньше в моей жизни было всё по-другому, – пожалв плечами, добавила она. – У меня дар выслеживать.

Тоббл облизал ладошку.

– Нехорошо убивать живых существ.

– Скажи это сороконожкам в твоём животе, – воскликнула Хара, закатив глаза.

– Они не... – Тоббл не знал, что сказать. – Не то же самое, что жуки.

– О да, пусть жуки молятся, чтобы ты не забыл разницу.

Тоббл открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого стал снова набивать его травой.

– И как давно ты на них работаешь? – продолжала я спра-

шивать. – На этих браконьеров?

– Недолго, всего несколько месяцев. В основном я была проводником. До этого я работала на одних, ещё раньше на других. Никогда не отказываюсь от работы, чтобы не умереть с голоду.

– А они не разозлятся, что ты убежала? – спросил Тоббл.

– Ещё как разозлятся. Поэтому я и не высовываюсь. – Она махнула рукой. – Но, по правде говоря, эти балбесы ничего не могут найти, если им не показать дорогу.

– У меня ещё два вопроса.

Хара поворошила угли. Вспорхнуло несколько слабых искр.

– Ну, задавай.

– Твой меч. Он изменился, когда ты дралась со змеями.

– Да, – сказала она, хитро улыбаясь. – Но об этом я расскажу в другой раз.

– Тогда следующий вопрос: куда ты нас ведёшь?

Хара поджала губы. Похоже, она сомневалась, говорить нам или нет.

– Думаю, вы имеете право знать, – решила наконец она. – Я скажу вам правду, и неважно, понравится вам она или нет.

– А я пойму, врёшь ты или говоришь правду, – предупредила я. – Нравится тебе это или нет.

– Ах да, слышала я эти истории. И что, это правда? Даирны видят ложь? – скрестив на груди руки, спросила Хара.

– Правда. Это у нас врождённое.

– Это что ж, получается, ты всегда знаешь, когда я лгу? – явно нервничая, спросил Тоббл.

Я лишь улыбнулась в ответ.

Тоббл шумно сглотнул.

– Ничего себе! А как ты это делаешь?

Я задумалась.

– Ну, опыта в этом у меня пока не так уж много. Взрослые даирны не лгут друг другу. Дети иногда пытаются, но потом понимают: это бессмысленно. Однажды мой брат Джекс... – Я не договорила. Боль причинял уже тот факт, что я произносила их имена. Я не хотела говорить о своей семье. Не хотела даже касаться темы, от которой меня сковали холод, мрак и нестерпимая боль.

– А как это – слышать ложь? – никак не мог успокоиться Тоббл, который при этом был слишком занят едой и не мог разобраться в моих чувствах.

В это время Хара с любопытством наблюдала за мной.

Я сделала глубокий вздох и постаралась спокойно ответить:

– Это как... Ты слышал, как пересмешник повторяет голоса сойки или ястреба? Почти идеально, но только почти. Чего-то не хватает, ты это слышишь, нутром чувствуешь. – Я посмотрела на Хару. – Когда ты пыталась подать даирнский сигнал тревоги, звук был фальшивый. Вот так я распознаю ложь.

– Вот это да! – широко раскрыв глаза, воскликнул Тоб-

бл. – Не уверен, что хочу обладать таким даром.

– Как бы то ни было, Бикс, я скажу тебе чистую правду, – сказала Хара.

Я придвинулась поближе, готовая внимательно её выслушать.

– Я пойму, насколько эта правда будет чистой.

План Хары

– Мы отправимся на Кора ди Шола.

Мы с Тобблом удивлённо посмотрели друг на друга. Он, похоже, так же, как и я, не понимал, о чём речь.

– А это, простите?... – перебила я её, не выдержав.

– Это такой остров-город. Его настоящее название – остров Урсина. Но все называют его Кора ди Шола, что означает «сердце науки».

– А почему он так называется? – Теперь уже Тоббл не мог сдержаться.

– Потому что он по форме напоминает человеческое сердце. А ещё потому, что это пристанище учёных и студентов. Именно там находится Высшая Императорская Академия Алхимии, Астрономии, Магии и Естествознания.

Мне пришлось подумать над значением каждого слова, вспомнить их.

Слово «алхимия» я узнала от Дэлинтора, оно означает искусство смешивать вещества, чтобы получить абсолютно новые – например какие-то лекарства. Астрономия, насколько мне известно, изучает звёзды. Магия – наука о заклинаниях и колдовстве.

Мне не совсем было понятно, что изучает естествознание, но, судя по названию, что-то очень значимое.

Слово «императорская» показалось мне впечатляющим, но тут я поняла, о чём речь...

– Это связано с Мурдано? – закричала я.

– Его Императорское Высочество, Мурдано – Правитель Недарры, Защитник истины, Сторонник добродетели, Миротворец и так далее и тому подобное, – махнув рукой, ответила Хара.

– Но ведь именно солдаты Мурдано...

– Ты вряд ли их там встретишь, – успокаивала меня Хара. – Солдат на остров почти не пускают, это место науки.

– И всё же название академии – Высшая...

– Так решил Мурдано, ведь ему принадлежит абсолютно всё. Он переписал календарь. И словарь. В Недарре у него абсолютная власть над всеми. – И она добавила себе под нос: – По крайней мере, он так думает.

– Зачем мы туда идём? – не унималась я.

Я помнила о своём обещании больше не убегать. И ещё я помнила, что было, когда я однажды попыталась. Но и идти навстречу своей смерти я не хотела, если Хара задумала именно это.

– Нам надо идти, – наконец сказала она. – У нас нет выбора.

– Но мне это совсем не нравится, – возразила я. – Я никогда не была в городах, где живут люди. Это слишком опасно.

– И мне это не нравится, – поддержал меня Тоббл.

Хара подняла руки.

– У вас нет выбора.

– Я никуда не пойду, – решительно заявила я.

– Но ты же понимаешь, я могла дать браконьерам расправиться и с тобой, как это сделали солдаты Мурдано с твоей семьёй...

Она замолчала, избегая моего взгляда.

Мне будто вонзили в сердце нож. Я сразу стала всё вспоминать, и печаль тут же превратилась в дикую ярость.

– Мне не стоило так говорить, – сказала Хара, и я поняла: она искренне сожалеет. Она потёрла глаза: – Я слишком устала, уже всё подряд говорю. Прости меня.

Я еле заметно кивнула и промолчала в ответ. Ответить мне было нечего.

Время шло. Тишину нарушало только чавканье Тоббля.

Я не хотела сейчас разговаривать, но в голове было столько вопросов – они не давали мне покоя. Мне очень нужно найти на них ответы.

– Итак, – я пыталась говорить ровным голосом, – ты намерена передать меня в руки самого Мурдано?

– Ха! – мрачно усмехнулась она. – Я не настолько тесно знакома с Мурдано или его пособниками. Нет, я хочу передать тебя своему знакомому, он известный учёный. Мудрец. Его зовут Ферруччи Гарольд.

– Какой ещё Гарольд? – встрепнулся Тоббл.

– Это почётный титул. Его дают только самым заслуженным учёным. Это люди, которые знают всё, что только воз-

можно: про звёзды, или форму Земли, или знатоки по части животных или истории. Ферруччи – хороший и честный человек.

Она пожала плечами.

– Я уже привозила ему редкие находки.

– Находки? – повторила я.

– Редкие виды животных или растений. Ферруччи изучает, как их можно защитить. Я хочу отвести тебя к нему и послушать, что он скажет. Уж он-то знает, что делать с дарином.

– А зачем тебе всё это? – спросил Тоббл. – Какая тебе от этого польза?

– Я пытаюсь помочь Бикс, – спокойно ответила Хара. – А если Ферруччи сочтёт нужным вознаградить меня за это, я совсем не буду против.

– Так вот каков твой план, Хара? Ты всего лишь пытаешься продать Бикс? – Тоббл вскочил на лапы, подёргивая усами. – Бикс мне друг, поэтому я надеюсь, ты понимаешь: я её в обиду не дам.

– Говорю же, – пыталась убедить его Хара. – Это единственное, чем я могу помочь.

– Ты правильно сделала, что предупредила нас, – не унимался Тоббл. – Не стоит тебе видеть разозлившегося воббика. Мы по-настоящему страшны, когда злимся! А я совсем свирепый!

– Спасибо тебе, Тоббл, – вмешалась я в разговор. – Но...

– Семья называет меня Страшный Тоббл.

Хара опустила глаза и всячески попыталась скрыть улыбку.

– Итак, твой план – меня продать? – спросила я. – Тому, кто больше заплатит?

– Думаешь, у меня есть выбор? – почти прошептала она. – У меня его нет. Больше я никак не смогу помочь, Бикс. А если, помогая тебе, я помогу и себе, то что в том плохого? Моей семье нужны деньги.

Я уставилась на неё. Она впервые упомянула свою семью.

– Ну а чего же ты меч свой не продашь? – допытывался Тоббл.

Хара вынула меч из ножен.

– Вот эту ржавую железяку?

– Но он не был ржавой железякой, когда ты рубила им змей.

Хара склонилась к нам с решительным видом.

– Этот меч, – медленно начала она, – передавался в нашей семье из поколения в поколение, и я первая женщина, которой его доверили. – Она вложила меч обратно в потрёпанные кожаные ножны. – Я скорее умру, чем расстанусь с ним.

Тоббл поднял лапы.

– Замечательно. Если какой-то ржавый меч для тебя дороже, чем жизнь моего друга, мне больше нечего сказать.

– Всё не так просто, Тоббл, – возразила Хара. – Далеко не так просто. Даирны редко встречаются в этих местах, и

причина их исчезновения – мех. Именно из-за меха на них всё время охотились, пока почти не истребили.

– Их мех удивительно мягкий, – перебил Тоббл.

– Но за этим кроется что-то ещё, и я не могу понять, что именно. – Говоря это, она грызла ноготь, а мысли её витали где-то далеко. – Действия солдат Мурдано в улье, – она посмотрела на меня и тут же перевела взгляд, – нелогичны. Они убивали не ради чего-то. Просто так. И я не понимаю почему. Но знаю одно – Ферруччи по меньшей мере будет ценить жизнь Бикс. Он учёный, не убийца. К тому же для Бикс это единственная возможность остаться в живых. Доверьтесь мне.

– Доверишься – и ты пропал, – процедила я сквозь зубы. Хара склонила голову набок.

– Что ты сказала?

– Это даирнская поговорка. Она означает, что если ты полностью доверишься человеку, то в итоге от тебя ничего не останется.

– Но, как бы то ни было, другого выхода у вас нет.

Я погрузилась в молчание. Первой заговорила Хара, тихим, приглушённым голосом.

– Бикс... – сказала она, а затем, поворачиваясь, добавила: – И ты, Тоббл... – Глубоко вдохнула. – Вот скажите, вы же любите свои семьи?

– Любила, – буркнула я, – это слово больше подойдёт. Хара кивнула.

– Вот и я очень люблю свою семью. И мой долг помочь ей в трудные времена. Любой ценой.

Она пристально смотрела на меня. В её глазах отразилась глубокая печаль. Или я всего лишь увидела отражение моей...

– Моя семья оказалась в очень сложной ситуации. – Голос её дрогнул, похожий на первый лёд, такой тонкий и хрупкий, что трещит под ногами, и я почувствовала, насколько Хара уязвима. – Моя родня часто голодает, – продолжала она, – и страдает от болезней. Иногда они оказываются на грани. По возможности я шлю им немного денег, которые зарабатываю как проводник. Благодаря Бикс у меня впервые в жизни появился шанс хорошо заработать и помочь родным. Да и Бикс от этого будет только лучше. – Она пожала плечами. – Я очень на это надеюсь.

– Так ты даже не уверена в этом? – не успокаивался Тоббл.

– Тоббл, Ферруччи правда хороший человек. Да, он заплатит мне за то, что я привезу ему такое редкое существо. Но главное, он защитит Бикс. – Хара потёрла глаза. – Если где-то на земле для неё есть по-настоящему безопасное место, то именно Ферруччи сможет его найти.

Хара потянулась и взяла Тоббла за плечо. Она будто раскаивалась.

– Я же не могу найти такое место, Тоббл, и ты не можешь, – очень тихо сказала она.

– Но я могу хотя бы попытаться, – противился Тоббл. – И

это гораздо лучше того, что хочешь сделать ты.

Хара протяжно выдохнула. Мы не смотрели друг другу в глаза.

– А у меня к тебе другой вопрос, – наконец сказала я Харе. – Когда мы прибудем на остров, что этот самый Гарольд сделает с Тобблом?

– Да уж, воббики никого особо не интересуют, – кивнула Хара Тобблу, как бы оправдываясь. – Их называют Бездарными.

Тоббл фыркнул.

– Что значит Бездарными? – полюбопытствовала я. Такое слово мы не учили.

Хара удивилась вопросу.

– Согласно Всеобщему Своду Правил существует шесть основных классов: люди, раптидоны, феливеты, терраманты, натайты и даирны. Это те классы, которые умеют говорить...

– Я тоже умею говорить, – перебил Тоббл.

– ...умеют говорить, – повторила Хара, – а также изготавливать орудия труда, получать знания и передавать их следующим поколениям и владеть магией.

– Несправедливо, – заворчал Тоббл. – Ну и что в этой магии особенного? Глупые заклинания. Бесполезные эликсиры. Смешные предсказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.